

Павел Мамонтов

Обережник

Александр
Мазин

цикл "Варяг"

16+

Варяг

Александр Мазин

Обережник

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мазин А. В.

Обережник / А. В. Мазин — «ЛитРес: Самиздат»,
2017 — (Варяг)

Жизнь Данилы Молодцова текла обыденно и размеренно, пока его не угораздило попасть в суровые времена языческой Древней Руси. Так началась его игра на выживание. Непростая задача: Данила ведь не крутой спецназовец, не мастер фехтования и не собирается изменять историю Древней Руси по воле автора. Но Молодцов – умный парень, сильный и целеустремлённый, если перед ним стоит задача выжить – он будет выживать. И сражаться. Пусть не за прекрасную принцессу или княжеский титул, а за свою жизнь. Это тоже немало. А там... судьба покажет.

Павел Мамонтов, Александр Мазин

Обережник

Пролог

– Встали!

Надсмотрщик дёрнул за верёвку, протянутую сквозь колодки, – и ряд невольников поднялся с колен.

С ними встал и Данила. Колодка больно скребнула стёртую в кровь шею. Он сдержал крик, только зашипел сквозь зубы. Не время показывать эмоции и характер. Хватит с него и поучений: что можно рабам, а что нельзя. Оставалось только терпеть. И ждать. Ждать удобного момента.

Вокруг окровавленной шеи и стёртых запястий уже роились мухи. Отмахиваться от вредных насекомых, когда тебе сковывает руки полупудовая дура, – крайне проблематично. Но Данила рассудил, что лучше терпеть неудобства и двигаться сколько есть возможности, чем потом вытаскивать опарышей из загноившихся ран. Другие невольники на насекомых почти не обращали внимания, зато недобро косились на Данилу, из-за телодвижений которого дёргались связанные верёвкой колодки. Косились, но молчали: рабам не положено выказывать недовольство и уж тем более драться друг с другом. Раб – он имущество, и за его порчу спросят с виновника. Если это другой раб, то его накажут в пример остальным.

Жара стояла невероятная. Или же она только казалась такой тем, кто с самого утра не сделал и глотка воды. Солнце палило всюду, на небе – ни облачка.

Невольничий рынок занимал широкую улицу, сплошь застроенную деревянными домиками, напоминавшими загоны для скота. «Товар» выстроился по обеим её сторонам.

Далеко не все невольники носили колодки, наоборот, такие были скорее исключением – кто купит «бракованный» товар. Рослых крепких мужчин продавцы собирали в «гурты», раздевали до пояса, демонстрируя покупателям физическую форму и здоровье челяди. Взрослые бородатые мужики не стеснялись: расправляли плечи, выкатывали грудь колесом, по первому требованию открывали рот, показывая зубы.

Отдельно сидели ремесленники: гончары, плотники, кожемяки. Рядом с ними – товар, изготовленный их же руками, контроль качества, так сказать.

Выделялись среди общего торга семьи. Как правило, они состояли из мужа, жены и нескольких ребятишек забитого вида, которые были готовы батрачить на хозяина за право оставить себе часть урожая.

В целом атмосфера на невольничьем рынке царила деловая. Продавцы громко кричали, зывали покупателей, те выбирали товар. Рабы знали своё место и не бузили, старались выделиться, чтобы попасть к наилучшему хозяину. Но были и строптивцы вроде Данилы Молодцова, которых пришлось поучить послушанию и заковать в колодки.

Данила, выбившись из сил, решил передохнуть, тем более что мухи вроде бы переключились на менее привередливых невольников. Молодцов косился на «хозяина» – купца, что выкупил его у перекупщика, тот же в свою очередь приобрёл Данилу у деревенского старосты и его разбойников. А может, и не разбойников, а просто местных жителей, позарившихся на бесхозный «товар». Купец беседовал с таким же, как он, по виду торгашом. Оба – пегобородые, несмотря на жару, в толстых красных кафтанах, кожаных штанах и высоких шапках. Солидные животы охватывали богато расшитые бисером ремни, на которых висели ножны с широкими тесаками. Купцы оживлённо беседовали, косясь на вереницу невольников. Даниле вскоре надоело это зрелище, он вздохнул, закрыл глаза и вспомнил, как оказался в столь плачевной ситуации.

Глава 1

Встреча с истоками

Очнулся Данила Молодцов в лесу, обыкновенном хвойном лесу. Только воздух показался ему необычайно свежим и чистым. Как он угодил в лес, Данила вспомнить не мог. Последнее его воспоминание было о том, как он жарил шашлыки на дне рождения друга Кольки Васильева. Напиться до беспамьяства, а потом забрести в чащу они по идее не могли – признаков похмелья Молодцов не ощущал. Решив пока не заморачиваться вопросами без ответов, Данила отправился на поиски людей или следов их пребывания. Вокруг рос низкий кустарник и, как ни странно, не наблюдалось никаких бутылок, окурков, презервативов и прочих «спутников» отдыха на природе. Молодцов грешным делом подумал: уж не лунатик ли он. И тут же услышал журчание воды. Обрадовавшись, пошёл на звук и буквально через пять минут вышел на берег ручья глубиной по колено. Вода в нём была прозрачной, холодной и очень вкусной. Родничок, наверное, бил где-то неподалёку.

Умывшись и напившись, Молодцов пошёл по течению и вскоре увидел оставленную рыбацкую снасть: мокрую сеть из толстых нитей. Ускорив шаг, Данила за поворотом ручья встретил и хозяев сети, непринуждённо варивших уху из браконьерски наловленной рыбы. Трое мужиков в льняных дерюгах настороженно уставились на путника. Данила был не из рыбнадзора, уху не сильно любил, а вот узнать, как добраться до ближайшего шоссе, был не прочь, поэтому он вскинул руки в приветственном жесте и, улыбувшись, поздравил рыбаков с уловом.

Мужики на поздравление не ответили, встали, приосанились. Все трое походили друг на друга, как братья: невысокие (Даниле по плечо), но коренастые, желтоволосые, с короткими соломенными бородами.

«Староверы, что ли?» – подумал Данила, уж больно вид у мужиков был какой-то... древний.

Чем-то они смахивали и на самого Молодцова. Тот тоже был блондином, но кучерявым, круглолицым и пухлогубым, голубоглазым, немало времени уделял физической форме и здоровью. Всего этого хватало, чтобы произвести впечатление на женщин.

Тройка рыбаков на внешность Данилы внимания не обратила. По виду старший из них не слишком радушно бросил:

– Сам кто таков, откель идёшь?

– Откуда я иду, я бы сам хотел знать, – игнорируя тон рыбака, весело отшутился Молодцов. – Зовут меня Данила. Мне бы до жилья или дороги какой добраться, а дальше я уж сам.

– До жилья добраться? Эт можно, пошли с нами.

Не понравилось Даниле, ни как он ответил, ни как смотрел. Взгляд не соответствовал словам.

– Да не надо, – вежливо ответил Молодцов, – я сам дойду. Вы только объясните, куда идти. Или лучше на песке нарисуйте.

– Вона как! А если мы тебя к посаднику сведём да узнаем, кто ты да откуда? – На этот раз даже намёк на радушие в интонации рыбака пропал.

Эта фраза и тон вывели Данилу из себя.

– Сводилки коротки окажутся, – процедил он.

– Чего?

– Сводилки, говорю, у вас между ног коротки окажутся.

Для наглядности Данила помахал своей ладонью в районе паха, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что он имеет в виду под «сводилками».

Наглый рыбак отреагировал неожиданно и чрезвычайно активно. Глаза его вытаращились, борода встопорчилась, и он с криком ринулся на обидчика. Данила, конечно, удивился такой болезненной реакции на безобидную подколку (хотя кто их, староверов, поймёт), но не

испугался – уж больно непрофессионально пёр на него мужик. Молодцов даже не стал уходить с линии атаки, просто выбросил ногу пяткой вперёд. Она угодила как раз в то место, к которому столь трепетно относился его собеседник. От удара мужик остановился, вытаращенные глаза ещё больше выпучились, рожа покраснела, и он без звука рухнул в песок. Его друзья – или братья? – отреагировали более спокойно и умно: один схватился за топор, второй за нож, и оба направились к Молодцову.

То, как они двинулись, очень не понравилось их гостю. Во-первых, в движениях угадывалась привычка к совместной драке. Во-вторых, опять-таки по тому, как они уверенно шли, Данила понял: его идут не брать на понт, не избить, а именно укокошить.

Ну ладно, Молодцов хоть в спецназе не служил и чёрный пояс не носил, знал достаточно способов остановить агрессора, не уступавших в эффективности каратешным приёмам.

Мужики медленно приближались к Даниле: с топором обходил справа, а с ножом шёл по прямой. Молодцов сделал вид, что собрался отступать, и вдруг сымитировал атаку вперёд. Враг с ножом отшатнулся, а Данила метнулся вправо. Сбил удар топора, нацеленный ему в ногу, схватился за топорище, ребром ладони расквасил нос его хозяину и, не останавливая движения, повёл руку вверх, вздёрнул голову недруга. Большой палец вдавился в глаз, удар в челюсть, подсечка. И топорник, дрыгнув ногами, шмякнулся на речной песок рядом с собратом.

Данила резко присел, встретил набегающего сзади рыбака с ножом ударом ноги – снизу вверх, в бедро. Противник отшатнулся, лицо его перекошило от боли.

«Не будешь нападать на мирных людей», – злорадно подумал Данила.

Вскочил, легко обошёл противника слева (у того нога еле двигалась), поставил того на четыре точки ударом в коленный сустав и успокоил ударом в затылок.

– Так-то, – удовлетворённо сказал Молодцов, отряхнув руки.

Правда, как добраться до жилья, он так и не узнал. Приводить в чувство своих собеседников и снова у них выуживать информацию не хотелось.

– Ну ладно, люди есть, стало быть, и цивилизация есть. Авось, не в тайге, прорвёмся.

Ободрённый этой мыслью, Молодцов двинулся вниз по течению. Маршрут оказался тот ещё. Ручей, как назло, петлял, берега были заболочены, а чуть дальше в лесу – непролазный бурелом. Дорогу облегчало то, что тропинка, по которой шёл Данила, была хоженной: в топких местах проходила дорожка из поленьев, а через притоки ручья были перекинuty брёвнышки.

Изгваздавшись в грязи по уши, Молодцов вышел на более-менее нормальную дорогу к вечеру. Это был прорубленный в лесу тракт, по которому тянулись две тонкие колеи, явно от тележных колёс.

Обрадованный этим признаком «высокой» цивилизации Данила решил, что на этом его приключения и закончились. Завтра он выйдет к жилью, договорится с местными колхозниками, и те доставят его домой. А пока надо как-то устроиться на ночлег.

Развести костёр было нечем. О том, чтобы пойти в темноте пособирать грибы-ягоды, тоже не могло быть и речи. Но Молодцов был уверен, что завтра с утра сможет поесть досыта. Пока же соорудил примитивный шалашик из хвойных веток, снял мокрые насквозь кроссовки и улёгся спать.

Данилу отличало от прочих людей то, что он всегда легко принимал окружающие обстоятельства как данность, без всяких рефлексий и переживаний, но при этом не сидел сложа руки, а пытался подстроиться под ситуацию или подстроить ситуацию под себя. Взятчик-профессор? Не беда, будем сдавать экзамен через директора кафедры. Старшеклассники деньги трясут? Найдём спортивную секцию, где научат постоять за себя. Вот и сейчас Молодцов решил заниматься насущными делами, а не размышлениями вроде: да как же я сюда попал, что же это такое и тому подобными.

Другой чертой характера Молодцова, крайне раздражавшей его родителей, было то, что, добившись желаемого, он никогда не шёл дальше. Комфортно устроившись в новых жизненных условиях, Молодцов расслаблялся и жил в каком-то своём, ведомом только ему ритме. Мог изнурять себя тренировками в спортзале, отрывать в клубешниках или неделями ничего толкового не делать. Данила что-то менял в жизни, только если ощущал некий внутренний толчок. Кстати, повинувшись именно этому чувству, он и пошёл на день рождения малознакомого приятеля своего друга, после которого невесть как оказался в диком лесу, полном староверов.

Свои двадцать шесть лет жизни Данила прожил легко, без особых напрягов, но и без достижений. Закончил школу, почти без блата поступил в университет на менеджера. В те времена никто не знал, что это слово значит и чем люди этой профессии занимаются. Отчасти поэтому вся молодёжь и хотела стать менеджерами.

На третьем курсе Данила не выдержал и перевёлся на свободное посещение, благо отмазка от армии имелась. Возможность зарабатывать собственные деньги казалась куда важнее, чем изучение непонятной профессии. Работал Данила в фирме отца на разных должностях. Компания особого дохода не приносила, но несколько синих купюр в неделю, чтобы заплатить за спортивную секцию и развлечь девочек в клубе, Данила имел. Отношения с отцом тем не менее становились только хуже – сказывалась разность характеров, в частности, пофизма сына и деятельной натуры родителя. Может быть, на Данилу пример отца как раз и подействовал отрицательно: тот всю жизнь рвал жилы, но в российской действительности так ничего по-настоящему не добился.

Получив на руки бесполезный диплом, Данила с радостью освободился от родительской опеки и начал пробовать крутить с друзьями собственный бизнес. Получалось, если честно, не очень.

Другой, периодически вспыхивавшей, страстью Молодцова был спорт. Точнее, боевые искусства. Данила сменил больше дюжины секций. Всё искал что-то достойное, прикладное. Настоящее. Последние два года ходил на курсы одного дядьки, бывшего спецназовца, где как раз учили исключительно прикладным методам самообороны. Даниле не очень нравилось, не чувствовалось за всем обучением какого-то содержания: так, десяток летальных приёмов и работа с подручными предметами, камнями, палками, ножами. Навыки, бесспорно, полезные, но хотелось большего. Вот занимался однажды Молодцов у настоящего мастера, правда, лет ему тогда было только тринадцать и занятия длились всего полгода, но впечатления остались на всю жизнь.

Так и жил Данила Молодцов: делал по необходимости, почти не напрягаясь, занимался разными малозначимыми делишками. И ждал от жизни непонятно чего.

Проснулся Данила рано утром. Солнце светило сквозь лапы сосновых веток и едва оторвалось от земли. Молодцов сперва удивился, что поднялся так рано, поскольку всегда любил поспать подольше, но решил, что это свежий воздух на него так действует. Никаких последствий вчерашнего путешествия в грязи, вроде простуды или температуры, он не ощущал. При этом вокруг лежал слой росы, а одежда у него была не слишком подходящая для ночёвок на природе – футболка с длинным рукавом и джинсы.

Довольный Данила выбрался из своего шалаша и пошёл по проложенной дороге. В животе уже урчало, хотелось побыстрее выбраться к людям – перекусить, ну и закончить это неожиданное приобщение к природе. Или к древним корням, если вспомнить троих обидчивых рыболовов, которые встретились Даниле.

Дорога вильнула вбок, справа в кустах Данила расслышал скрип, который отличался от обычного шума, издаваемого лесом. Чувство тревоги кольнуло внизу живота. Затем раздался резкий щелчок – тело отреагировало, Данила пригнулся, но недостаточно быстро. Что-то твёрдое ударило его пониже макушки. В глазах сразу потемнело, внутри черепа возникла тупая боль, и сознание померкло.

– Оскопить охальника, оскопить... – надрывался кто-то над Молодцовым, а он сам, судя по всему, лежал связанный на земле.

На мокрой земле. Через секунду он ощутил, что ему на голову льётся поток холодной воды. Это было приятно, хотя от холода сводило челюсти. Голова кружилась. Во рту стоял привкус желчи и рвоты. Данила попробовал пошевелиться и понял, что его руки связаны и затекли. Молодцов открыл глаза – и тут же закрыл. Перед взором всё плясало и кружилось.

«Как бы опять не стошнило, блевать себе под нос не хочется. Хотя чем? Желудок же пустой».

– Мужество всё ему отрезать и сжечь, и его самого сжечь, – продолжал кто-то драть глотку.

– Тише ты, Кирай, – осадил крикуна. – Не тебе его судьбу решать, не ты его в полон взял.

– Так вира же...

– На кой тебе вира от мертвяка, да ещё без мужества? И роду какой прок от этого будет?

– Богам его подарить.

– Эт не тебе решать. Эй, молодец!

Обращались, судя по всему, к Даниле. Твёрдый конец чего-то деревянного, наверное, посоха, ткнулся Даниле в грудь и перевернул на спину. Молодцов с трудом разлепил веки, сквозь дымку увидел над собой седобородое лицо и снова закрыл глаза. Даже дышать не хотелось, не то что размышлять над чем-то.

– Э, да он совсем скис, – сказал тот же седобородый. – Что делать с ним будешь, Кумарь?

– Не знаю. Пусть в себя сперва придёт, а там посмотрим, – ответил кто-то красивым звонким голосом.

Данилу подняли (новый приступ боли в голове), положили на вкусно пахнущую солому. Руки будто прокололи тысячи иголок, когда с них сняли верёвку, но потом боль ушла. Молодцову было всё равно, где он, главное, теперь лежать было удобно и можно было с удовольствием провалиться в забытье.

Следующим ощущением было прикосновение мягкой нежной ладошки, ласково приподнявшей голову за затылок. В рот ткнулся край глиняной плошки. Данила ощутил жирный вкус козьего молока с какой-то примесью.

«Ничего вкуснее не пил», – успел подумать Молодцов и отрубился.

Затем его разбудили более грубо – пинком в бок. Данила открыл глаза. Сколько прошло времени, он не знал. Голова гудела, но больше не раскалывалась и не кружилась, живот не сводило от голода.

– Пошли, – скомандовал дюжий парень в дерюге.

Данила счёл за лучшее подчиниться. Поднявшись, с минуту он переждала головокружение, пока его за рукав не выдернули из хлева на свежий воздух.

Данила оглядел окрестности: полдюжины вросших в землю домов. Вонь куриного дерьма. Две тощие свиньи в луже – у дворовых собак мяса на костях и то больше. У хилого заборчика, мемекая, пережёвывала сено коза. Уж не её ли молоко Данила пил?

На заваленке, оперев руки на посох, чинно восседал старик с длинной белой бородой.

– О, кто появился, – проговорил он, и Данила узнал голос человека, который защищал его, оглушённого, на дороге.

Старик поднялся. Подошёл ближе. Молодцов разглядел его получше и понял, что он не так уж и стар, просто потрудился в жизни немало, но силу ещё сохранил.

– Ну как чувствуешь себя, не прошиб тебе Кумарь черепок-то? – спросил седобородый.

– Не прошиб, – буркнул Данила. – Мужики, вы понимаете, что творите? Это ж статья!

– Чего?

– Говорю, напали на меня ни с того ни с сего.

«Сектанты какие-то или староверы, – про себя подумал Молодцов. – Ладно хоть не чичи. Как только я в их угожья-то попал?»

– Ни с того ни с сего? – удивился старик. – Ты, чужак, да ещё веры ромейской, на нашу землю забрёл, Кулика по самому обидному ударил да ещё возмущаешься?

– Они первые на меня напали. Если чужак, так сразу руки выкручивать?

– А хоть бы и так. Ты сам откель идёшь? Родня у тебя далеко?

– Далекко, – огрызнулся Данила, понимая, что уже угодил в гораздо более крупные неприятности, чем ожидал.

– Видишь, далеко. Я сразу понял, что ты ненашенский. Чего на нашей земле забыл, чего вокруг околочивался? Может, ты тать какой али кто похуже. А ещё указывает, чего нам с чужаками делать. – Седобородый засмеялся, будто ворон закаркал, потом резко оборвал смех. – Ну ладно, это всё смехи да хихи. Я здешний староста, зовут меня Беремир. Умеешь ты чего?

Спросил уверенно так, по-деловому. Данила опять сообразил, что характер показывать не время, хотя... Можно вырубить парня рядом, старик его не остановит. А потом? По незнакомой местности куда бежать? Да и голова ещё побаливает.

– Гвозди забивать, кирпич класть, доски шкурить, шпаклевать. Чего надо?

Вот тут Беремир по-настоящему удивился.

– Чё ты делаешь?

– Ну шпаклюю, шкурую. Вы что, не знаете, как доски шкурят? Стенку могу сложить. Или вам кирпичом и цементом вера запрещает пользоваться?

Вот здесь Данила сообразил, что сболтнул лишнее. Старик теперь глядел на него с опаской. А у этих духоборов, по ходу, реакция на опасность одна – бздынь по башке, и поминай как звали.

– Я ещё в огороде работать могу, – попытался выправить ситуацию Молодцов.

Отчасти помогло. Эта фраза вызвала приступ лютого смеха у старика и вихрастого парня, что дежурил рядом.

– Всё у вас, у ромеев, не как у людей, – утирая слёзы, сказал старик. – Третьяк, отведи его к Богдану, пусть работу ему определит с бабами.

– Отведём. Ну, пшёл.

Парень больно пнул Данилу в копчик. Пнул не чтобы толкнуть, а чтобы выразить своё отношение к новому рабу. И этот обидный – даже не пинок, а толчок – сбил планку у Молодцова, и так с трудом сдерживаемую.

Он тут же крутнулся на месте, заехал предплечьем «конвоиру» в челюсть. Тот упал как подкошенный. Данила с места взял разбег, перепрыгнул подставленный дедом посох. Ещё прыжок – через редкий забор – и вот она, свобода.

Данила скрылся в лесу, но вскоре пожалел об этом: роща за пределами поселения сектантов оказалась страшно густой. С трудом Молодцов выбрался на какую-то звериную тропку, безусловно, хорошо знакомую местным жителям. Потрусил по ней, стараясь экономить силы.

Где-то через час услышал лай собак. Ещё через полчаса его настигли, сначала гончие, а потом и их хозяева. Вступать в поединок с Данилой не стали, забросали сетями, а потом накнулись скопом. Обошлись вежливо, можно сказать, деликатно: побили древками копий, причём старались бить по туловищу, а не по голове. Когда бить перестали, главарь преследователей (а их было человек пять) присел на корточки перед Данилой, вздёрнул за волосы голову вверх:

– Ну, чего бегал-то, чужак?

Молодцов узнал голос: тот самый умелец, что оглушил его на дороге. У него было красивое мужественное лицо. Синие глаза смотрели осуждающе и немного с сочувствием. Вопрос был задан тоже без гнева, скорее как взрослый спросил у глупого ребёнка. Даниле ответить было нечего.

– Что делать с ним будешь, Кумарь? – спросил кто-то из преследователей.

- Продам. Всё равно Беремир сказал, что от него толку не будет.
- Ну смотри. Ты его взял два раза. Двойную цену тебе за него не заплатят.
- Поглядим. Сам знаешь: рядиться я умею.

В ответ на эту фразу все соратники Кумаря захохотали. Наверное, это была старая, всем понятная шутка. Однако Даниле на это было глубоко по фигу.

Кумарь продал закованного в колодки Данилу через три дня, купцу по прозвищу Жорох. Напоследок сказал:

- Дурак ты, парень. Мог бы холопом уйти, а теперь челядином станешь.

Прозвище или имя своё купец полностью оправдывал, поскольку был поперёк себя шире. Купец прямо спросил Данилу, что тот умеет. Молодцов, помня неудачный опыт первого собеседования, огрызнулся: «Ничего не имею». Жорох, плюгавенький толстяк, не обиделся, только кивнул своим подручным. Те быстро вытащили Данилу из колодок и заковали в цепи. Купец, видимо, специализировался на торговле живым товаром. Данилу определили к трём десяткам таких же неудачников и повезли куда-то на телегах. В сопровождении охраны из пяти человек.

Тогда же Данила начал подозревать, что у него не всё в порядке с головой, поскольку действительность, в которую он попал, стала сильно расходиться со здравым смыслом.

Сначала Молодцов не очень удивился, что его продали как имущество. Мало, что ли, в Дагестане русских граждан на кирпичных заводах впахивало и впахивает при полном одобрении местных властей? Тот факт, что вместо чичей его обратали вроде как свои, славяне, тоже не смутил. Ну, секта какая-то. Мало ли придурков на земле русской? Однако компания из тридцати мужиков, подготовленных на продажу, изрядно напрягла. Нет, мораль и этику Данила оставил в стороне. Его самого то, что из него сделали раба, ничуть не напрягало. Гордость его не пострадала, а свою дальнейшую судьбу он в любом случае определит сам.

А вот то, что три десятка мужиков везли из одной деревни в другой населённый пункт, где их могли купить, говорило о нехилом размахе предприятия по работоторговле. Данила благодаря опыту работы в бизнесе прикинул, что численность всей цепочки, замазанной в торговле людьми, должна быть минимум тысячи полторы. Это всякие прорабы, подрядчики, служащие, на которых, собственно, и горбатятся рабы и которые имеют с этого немалый гешефт.

Но что ещё сильнее напрягло Молодцова, кроме огромного картеля, торгующего людьми, так это сами кандидаты в рабы. Крепкие мужики, все славяне, ни разу не алконавты – они полностью покорились судьбе, только Данилу держали в кандалах. Ну это ладно – каждого человека, оторванного от дома, можно сломать. Но все эти мужики не говорили на темы, о которых обычно трепяются пролетарии от нечего делать. Они не обсуждали президента и власть, не жаловались на жизнь, о водке – вообще ни слова. Наоборот, рабы и подручные Жороха задвигали мутную родноверскую ересь про богов и нежить, говорили про каких-то князей, неурожаи и моровые поветрия.

Из всего этого Данила сделал вывод, что они все – члены секты, заточенной под старину, по типу реконструкторов. Но, блин, секты из нескольких тысяч последователей, которые живут в поселениях, разбросанных на сотни километров где-то в Сибири?

В общем, картина получалась нерадостная и противоречивая, а поскольку размышления, что же из себя представляет окружающая действительность, не могли помочь Даниле освободиться (не хватало информации), он решил в очередной раз на них забить и ждать, что ещё ему подкинет судьба. Может, шанс?

Утром третьего дня рабовладельческий караван подъехал к пристани у деревни, которую все называли посад. Там Жорох оптом продал товар ещё одному купцу, всех мужиков загнали в лодку, и она заскользила вниз по течению.

Когда Данила увидел пейзаж, отрывшийся ему, он решил, что вот именно сейчас у него окончательно съехала крыша. Или вот-вот съедет.

Лодка плыла к огромной пристани, забитой десятками кораблей, больших и малых. А за ней, на высокой круче, рос деревянный частокол, на котором дежурили солдаты. В доспехах, судя по солнечным бликам.

Это не могло быть сектой, не могло быть перевалочным пунктом, в котором торговали гастарбайтерами. Это был самый настоящий средневековый город, причём огромных размеров – Данила достаточно разбирался в истории, чтобы определить это.

Мыслей в голове не осталось, логика пасовала, а разум щёлкнул и выключился, как компьютер при перезагрузке. Данила просто стоял, раскрыв рот и вытаращив глаза, смотрел на выраставшие в размерах стену и пристань.

– Что, смерд, не видал раньше такого? То-то же! Это тебе не дремучие городки мордвы, это Киев – стольный город Руси, – насмешливо бросил кто-то из купцовых людей на барже.

«Киев, Русь... – подумал Данила. – Твою ж мать!»

Вывел его из раздумий глухой удар борта лодки о плетёные корзины, уложенные вдоль пристани. Купеческие приказчики погнажи челядь на выход, Данила последовал вместе со всеми, хотя в цепях это делать гораздо неудобнее.

Киев встретил живой товар разноголосой пёстрой толпой. Все кругом кричали: зазывали покупателей, торговались, ругались или просто о чём-то спорили. Пока их вели, Даниле встретились самые разные люди: от одетых в рванину нищих до облачённых в шубы и высокие шапки (в жару-то) бояр. Наверное, так их стоит называть. Последние следовали с целыми свитами за спиной, важные, как попугаи. Встретились Молодцову и воины. Трое красивых парней не пыжились, строя из себя высшее общество, а шли, весело переговариваясь между собой, при этом других людей вовсе не замечали. Кольчуг и панцирей на них не было, только простые белые рубахи, а свои доспехи они, скорее всего, несли в больших кожаных сумках за спиной. Зато шею каждого обхватывал обруч из серебряной проволоки, а по бёдрам хлопали ножны с длинными мечами, что окончательно снимало вопрос об их статусе.

Видел Данила и воинов в броне. Те величаво проехали на красавцах скакунах сквозь толпу. Молодцов глянул на них: люди-башни, закованные в железо, не на живых лошадях, а тоже на стальных свирепых монстрах. Данила увидел их и навсегда поверил в истории, что один рыцарь может перебить полсотни крестьян, а сотня всадников разгонит десятитысячное войско. Если такие махины на тебя будут нестись, тут только на землю падай и молись, чтобы они по соседу твоему проскакали, а не по тебе.

И всё-таки большинство встреченных было одето в простую льняную одежду.

Увы, толком разглядеть никого и ничего не получилось. Рабов быстро согнали по парам и повели в переулок. Данила только успел увидеть, как на сколоченных стендах расстилают ткани дивной красоты, а рядом выводят статных вороных коней, шерсть которых лоснилась на солнце подобно шёлку возле них.

Скоро Данила учуял запах человеческого дерьма. Его вместе с остальной челядью загнали в хлипкий сарай. Там с Молодцова сняли кандалы и одели в колодки, а после вывели на торг. Решив не выпендриваться, Данила молча стоял под палящим солнцем. Пытаться сбежать и не думал, не думал и огрызаться на тех, кто его хочет купить. Только его всё равно не покупали. Может, чувствовали в нём угрозу, а может, строптивый раб, не умеющий делать ничего полезного, был никому не нужен.

Глава 2

Счастливым жребий

После полудня всем рабам давали воды, на ночь кормили и заводили в сарай. Так прошло три дня. Компания, с которой Данила попал на торг, почти полностью распродалась. Их место заняли другие. А Данила всё стоял в колодках, терпел и ждал.

На четвёртый день его перевели из одной «связки» рабов к другой. Продели верёвку сквозь колодку да так и оставили. Молодцов оглядел своих новых попутчиков, и нехорошие мысли закрались ему в голову. Вокруг стояли сплошь старики. Многие ещё достаточно крепкие, но по местным меркам их возраст давно перевалил за пенсионный. Исключения, кроме Данилы, было только два: двадцатилетний парень с вывернутым плечом и горбатый мужик лет тридцати.

– О боярине Сергее шепчутся, – сказал раб перед Данилой, имея в виду двух жирных купцов. – Я того, что с нашим хозяином рядится, знаю. Он точно в бояровых закупах ходит. Может, и повезло нам.

– Это кто такой, боярин Сергей? – спросил Молодцов.

Отношения с местным контингентом у него не клеились, ответа он не ожидал, но из любопытства всё равно поинтересовался.

– Бают, самый сильный боярин в Киеве. И челядинами не торгует. Может, выкупит нас, на подворье к какому-нибудь храму ромейской веры. А может, князю угодить захочет, тогда уж совсем счастливый жребий нам выпал. Срок-то подходящий. Радуйся, чужак.

– Чего за срок, чему радоваться?

Старик вдруг повернулся, улыбнулся кривым ртом:

– Увидишь.

– А ну, волчья сыть, пшли, корм вороний! – заорал надсмотрщик. – Давай, вшивые, живей в лодку!

Цепочка невольников быстро спустилась к реке. Там их по настилам загнали на большой баркас. Настоящую боевую ладью, как сообразил Данила. Усадили посередке. На гребные скамьи уселись мужики, смахивавшие на казаков: головы бритые, чубы свисают набок, усы до подбородка. При них не имелось серьёзного оружия, кроме ножей, но Молодцов по повадкам сообразил – воины.

Ладья отшвартовалась. «Казаки» налегли на вёсла, и корабль, набирая ход, уверенно пошёл против течения.

«Хорошо гребут, – подумал Данила, – мощно, слаженно. Куда только?»

Уже поздно ночью в темноте ладья подплыла к острову посреди реки. Оттуда слышались весёлые крики, доносились звуки, похожие на музыку. Вроде бы кто-то играл на дудках – не очень складно, зато громко. Между деревьями мелькали люди, виднелись проблески костров.

– Скольких привезли? – донёсся зычный возглас уже совсем рядом.

Данила поднял голову, но никого не смог разглядеть из-за борта лодки.

– Двадцать семь, – ответил казак, стоявший на носу.

– Хорошее число, – одобрили с берега. – Выводите.

Экипаж ладьи шустро забегал: одни разбирали снасти, вытаскивали вёсла из уключин, швартовались к берегу. Другие принялись разрезать путы, сковывавшие невольников, и даже освободили Данилу из колодок. Тот с наслаждением покрутил головой, расслабил натруженную шею. И тут его отправил за борт увесистый пинок. Упав в воду, но чудом приземлившись на ноги, Данила увидел у кромки воды троих рослых полуголых мужиков с факелами. Они носили всё ту же казачью стрижку: длинные усы и чуб. Только могучие торсы были густо расписаны синими татуировками, смысл которых Данила понять не мог – какие-то узоры, кольца, вроде даже свастика имелась.

Свинтить по-тихому в темноте не представлялось возможным – позади, вдоль борта ладьи, расположилась команда гребцов, у которых в руках вдруг оказались короткие копья. Данила был уверен: чуть что, и это копьё окажется в спине шустрого беглеца. Молодцов решил не рисковать.

Невольники, сбившись кучей, выстроились перед татуированными крепышами. Их главарю по виду было лет сорок, его бровь и щёку наискось пересекал длинный шрам. Холодными как лёд глазами он придирчиво оглядел своё приобретение, затем молча повернулся и ушёл. Его пристяжь ушла за ним, следом – невольники, которых «казаки» с ладьи подгоняли тупыми концами копий.

Данила вместе со всеми пробежался по мокрому прибрежному илу, затем по влажной от вечерней росы траве, продрался сквозь чашу – и оказался на поляне, где горели костры в два человеческих роста. В их свете ему предстал мрачный идол в окружении всё тех же полуголых татуированных «казаков».

Истукан был вырезан из целого ствола дерева и высоту имел метра три. Выпученные глаза смотрели с гневом, раскрытый деревянный рот застыл то ли в крике, то ли в желании кого-то проглотить. Длиннющие усищи спускались ниже подбородка и, похоже, были отлиты из серебра. Не зря такие же усы носили воины, окружившие идола, верно, они были его слугами или последователями.

– Вот он, бог варяжский, – прошептал кто-то из челяди около Данилы.

– Это не сам бог, но скоро ты с Перуном встретишься, – насмешливо бросил молодой воин с едва пробившимся пухом над верхней губой.

Данилу бросило в дрожь. Ни с Перуном, ни с деревянным идолом он встречаться не собирался. А тут, видимо, иного выхода не было. Встречу эту обеспечат, и Молодцов понимал, как именно.

Это что же получается: Перун – варяжский бог, значит, эти длинноусые «казаки» – варяги? Те самые: то ли скандинавы, то ли славяне, то ли наёмники, то ли вообще не пойми кто. Лучшие воины Киевской Руси, которые и с печенегами, и с византийцами воевали. И почти всегда одерживали верх. То есть выстоять против них нет никаких шансов.

«Надо было с лодки дёргать. Колодка деревянная, авось, выплыл бы, а теперь... эх», – отчаянно подумал Данила.

От идола к толпе рабов подошёл уже знакомый варяг со шрамом и двумя мечами на поясе. Приказал:

– Этих пока в сторону, неча им под ногами путаться. Братия, приступим к пляске, любой нашему богу Молниерукому.

Варяг скрестил мечи над головой и вдруг завыл по-волчьи.

Рабов меж тем отогнали на край поляны и оставили под присмотром безусой молодёжи. В прямом смысле. Паренькам, которые его охраняли, Данила дал бы навскидку лет шестнадцать-семнадцать, но связываться с ними ему не хотелось. То, как они, увешанные оружием и со здоровенными щитами за спиной, легко и непринуждённо двигались, говорило о недюжинной силе и выносливости.

И тут Молодцов углядел среди собратьев по несчастью знакомое лицо – того самого старика, что втюхивал ему про удачу.

– Что ты мне, гад, плёл, что нам повезло? – Данила пихнул его в плечо.

– А, это ты, чужак ромейской веры. Радуйся: попадёшь в Ирий воином. Мужеской смертью умрёшь. А всех, кто с мечом погибает да ещё в такой день, Перун сам привечает. А там как пойдёт: может, окажешься ты в холопах у воина, что на крылатом коне по небу скачет. Или полюбишься ты чем-то воинскому богу, и он тебя самого воином сделает. Только для этого надо храбрым быть.

– А правда, что в Ирии можно день и ночь есть и еда со столов не пропадает? И если тебе руку отрубили, то её приставь к телу – и она прирастёт? – жалостливо спросил кто-то сбоку.

– Это ты с нурманским посмертием путаешь, – ответили ему с другого конца.

– Да как же это... – вмешался в спор третий.

«Да они тут все кретины, они даже счастливы, – зло подумал Молодцов. – Чтоб им всем...»

Тут варяги начали свою пляску, и Данила оборвал мысль.

Он читал про это, слышал рассказы: идеальный удар наносится быстрее четверти метра в секунду, тогда глаз не успевает заметить его и прочее. Но слышать – не увидеть это воочию.

Вернее, Данила как раз и не видел: глаз выхватывал только серебряные размазанные высверки вблизи обнажённых тел воинов. А варяги, держа в руках по два меча, умудрялись уворачиваться от едва видимой смерти и сами стремительно атаковали. В молниеносном темпе. Ни на секунду не прерываясь, не сбивая ритма.

Наверное, это всё-таки была отлаженная постановка, а не настоящий бой. Танец, посвящённый богу, великолепно и опасен. Варяги демонстрировали то, что называется совершенным боем, – минимум уклона от атаки (а это отточенный клинок, летящий в ничем не защищённое тело) и сразу же контрудар, от которого оппонент так же великолепно уклоняется. Воины стремительно двигались, менялись противниками, высоко прыгали, выли волками...

И вдруг всё закончилось. Варяг со шрамом резко воткнул в землю мечи, и все замерли. Данила даже ощутил разочарование, что танец прекратился.

– Начнём Перунову жатву, в дар ему, – зычно проговорил варяг.

Юноши из охранников подхватили под руки первого раба – тот и не думал сопротивляться – и отнесли его к идолу. Там уже стоял воин, беспечно зацепивший руки за пояс. Челядину протянули топор, тот умело за него схватился. Вся поляна замерла в ожидании. Раб с истошным криком ринулся на варяга. Тот не двинул и мускулом, всё так же стоял с руками на поясе. А затем вдруг оказался сбоку от челядина, с обнажённым уже и окровавленным мечом. Раб всё бежал, несмотря на лезущие из живота сизые гроздьи кишок. О них он и споткнулся, упал, пару раз содрогнулся и умер.

– Тебе, Перун!!! – разом грохнули варяги на поляне.

Варяг, убивший раба, подошёл к труп, запустил руки в рану, а после окровавленными ладонями прошёлся по деревянным губам идола.

– Тебе, Перун! – повторил он.

Его сменил другой варяг – пониже и поплотнее. Воины привели нового раба на заклатие, по-другому назвать эти «поединки» нельзя.

Данила содрогнулся, когда увидел смерть раба, но и только. Он не мог поверить, что это всё по-настоящему, что смерть здесь, рядом, дышит в лицо. Всё воспринималось как фильм, очень реалистичный и жестокий, но фильм. Как же это так? Был человек – и умер. Навсегда! Такого же не может быть. Во всяком случае, не так люди умирают. Не так должен умереть он, Данила. В свою смерть Молодцов и подавно не верил.

Следующий поединщик из рабов попросил себе в руки меч.

– Никогда меча в руках не держал, – проговорил он сильным, но счастливым голосом. Сделал шаг, и его голова слетела с плеч. Фонтан крови выстрелил высоко вверх и оросил рожу идола. Варяги одобрили это дружным рыком.

Следующий раб тоже попросил меч. Едва он успел схватиться за него... его грудная клетка раскрылась, как устрица от ножа умелого повара. Раб осел на колени, откинулся назад, в его разваленной груди ещё дважды сократилось сердце, не тронутое клинком. Варяг, нанёсший столь выверенный удар, вырвал сердце, поднёс ко рту истукана и выжал, как мочалку.

– Тебе, Перун! – проговорил он с достоинством.

– Тебе, Перун!!! – вторили ему остальные воины.

Наконец, Данилу проняло. Да ещё и ветер подул в нужном направлении – принёс железный запах крови и кислую вонь распоротых внутренностей. Только ужасаться увиденному, паниковать и блевать Молодцов не стал. Чёткое осознание того, что он сам, если ничего не

предпримет, станет таким вот разрубленным куском мяса, заставило мозги работать с кристальной ясностью.

Данила огляделся: все, в том числе рабы и их охранники, были поглощены зрелищем, творившимся у кумира, хорошо освещённого кострами. Ах да, для них же это не смерть, а переход в лучший мир. Пускай себе переходят, Данила ещё в этом мире не устроился, чтобы его покидать.

Так, костры вокруг Перуна не тухнут. В них постоянно подбрасывают сухие брёвнышки, а вот по краям поляны непроглядная темнота. Данила зажмурил один глаз и так просидел недолго, всего два поединка.

Молодцов, всё так же жмурясь, посмотрел снизу вверх на безусого парня, возвышавшегося рядом с ним. Кажется, в древние времена – или теперь уже в нынешние? – таких называли отроками. Ничего себе отрок: кулаки пудовые, косая сажень в плечах, кольчуга сидит на бицепсах в обlipку. Лицо, правда, всё ещё сохранило остатки детской открытости и любознательности. Вот так он, с любопытством, и наблюдал за убийством рабов.

– Слышь, малый, – Данила потрогал отрока за штанину, – дай попить, а то в горле пересохло.

– Какой я тебе малый, смерд? Нишкни, а то копьём огрею.

– Ух ты, копьём, напугал. Меня сейчас железом начнут резать, а ты – копьём. Я скоро перед Перуном предстану, может, я бы и выпросил у бога для тебя чего-нибудь за добро. А тебе воды жалко. Теперь как хочешь.

Отрок озадачился и отцепил от пояса флягу.

– Хорошо. Только уговор: я тебе воды дам, а ты за меня попросишь у бога.

– О чём речь, – согласился Молодцов.

– Ну вот, значит, попросишь у Перуна, – вполголоса наставлял отрок, наклонившись, – удачи, наверное. Да, удачи. Только запомни: для воина...

Как зовут отрока, Данила не дослушал, а бросил ему в глаза пучок травы, поднырнул под ноги и двинул ладонью по яйцам. Отрок хрюкнул, хотя Молодцов рассчитывал, что он с воем повалится. Ну да ничего... Подхват за бедро, распрямиться – хоп. Данила отправил отрока в полёт себе за спину, в гущу рабов, а сам рыбкой прыгнул в темноту за поляной. Ему повезло, что как раз в этот момент прикончили очередного смерда и весь шум утонул в криках, прославлявших Перуна.

Данила грудью проломил кустарник, приземлился на подставленные руки, перекатился. Открыл глаз, который держал зажмуренным, второй закрыл. Секунда – и он более-менее сносно видит в темноте. Молодцов с низкого старта рванул, как спринтер, – прочь от поляны Перуна. За спиной уже доносились крики:

– Держи смерда!

Раздались они гораздо быстрее, чем хотелось Даниле. Ему повезло, что никто не видел самого момента побега, все пялились на костры и в лесу долго ничего не могли разглядеть. Повезло, что между ним и погоней оказалась толпа растерявшихся рабов. Только пару раз Данила услышал сбоку басовитый шелест, будто плотную ткань встряхнули. Лишь много позже он понял, что это был звук пролетающих мимо сулиц – метательных копий, брошенных на шум. И весьма метко, кстати.

Молодцов не упустил своей форы: продрался к берегу и с разбегу нырнул. Опять повезло: не напоролся на камень или корягу. Данила вынырнул и, стараясь не шуметь, начал выплывать на середину реки. Вода тёмная, вряд ли преследователи его увидят. Только за ним и не гнался никто.

Данила плыл, широко загребая кролем. Вода, тёплая, как парное молоко, приятно омывала истерзанную шею и обволакивала тело. Луна ещё не взошла, всё небо заволкли тучи,

так что Данила плыл почти в полной темноте. Ему казалось, что он двигается в чёрном вязком потоке смолы.

В конце концов Даниле надоело напрягаться, он перевернулся на спину, раскинул руки и отдался на волю течения.

«Какая дивная ночь», – подумал он.

Впервые за долгое время (а Данилу держали в неволе неделю или две) он оказался в одиночестве. И на свободе! Воистину, то, что даётся человеку просто так, им не ценится.

Вдобавок эта нежная вода, заставлявшая измученное тело расслабиться, приносила невероятное блаженство, заставляла забыть о невероятных приключениях, о древнем Киеве и варягах. Может, откроет сейчас Данила глаза, и окажется, что лежит он в тёплой ванне, а все события последних недель станут лишь замысловатым глюком.

От приятных мыслей отвлек Молодцова плеск воды неподалеку. Данила открыл глаза. Нет, он по-прежнему плыл в днепровской водице, которую должно было унести в Чёрное море за тысячу лет до его рождения. Тучи на небе разогнало, и в воде отражались звёзды. Это на миг сбило с толку. Данила вдруг потерял ощущение верха и низа. Ему показалось, что он стоит посреди бесконечного космического пространства, наполненного звёздами. Шизофреническая картинка, надо сказать. Даниле пришлось несколько секунд поболтать конечностями в воде, чтобы вернуть чувство реальности.

– Мда... А круто я всё-таки от них сбежал, – сплюнув в воду, проговорил вслух Данила и поплыл к берегу.

Он виднелся вдали, угадывался тёмной громадиной леса. Что делать, куда идти и как выживать, когда он выберется на берег, Молодцов не думал. Проблемы решаются по мере их поступления.

Так Данила и плыл к берегу, не спеша, экономя силы и стараясь не привлекать к себе внимания. Сзади и по бокам опять послышались всплески. Довольно громкие. Сильные звуки заставили насторожиться.

– Пустяки, – успокоил себя Данила, – кто тут может водиться? Ну, сомы крупные, ну, щуки. Что они могут сделать взрослому человеку? Ничего. Надо поторопиться, а то светает скоро.

Молодцов прибавил скорости и вскоре увидел заросли камыша вдоль берега. Неожиданно подул холодный ветер, и в шелесте камыша Данила услышал звуки, похожие на женский смех.

«Бабы где-то купаются», – решил он, но темпа прибавил.

Неприятный холодок растёкся внутри живота.

Плавни тянулись достаточно далеко, поэтому Молодцов поплыл по течению, выискивая удобное место, чтобы выбраться. Несколько всплесков послышались совсем рядом, а потом что-то склизкое и холодное коснулось лодыжки. Данила отдернул ногу, сердце заколотилось. Несмотря на все попытки взять себя в руки, через броню спокойствия и собранности проклюнулась паника.

«Это просто рыба, просто рыба», – шептал про себя Молодцов.

Попробовал снова начать плыть, и его опять дёрнули за ногу. Адреналин выплеснулся в кровь, мозг заработал с предельной чёткостью, как и всегда в действительно критических ситуациях. На панические мысли не осталось времени. Это уже не собственные страхи – это реальная опасность.

«Быстрее к берегу, – решил Данила, – любыми способами продраться сквозь камыш, найти ветку, подтянуться и выбраться на берег».

В воде он потёр одну ногу о другую: раны вроде нет, кровь не течёт. Чем его тогда схватили?

«Нет, стоп! Это была просто рыба, просто рыба...»

Данила развернулся к камышам. На этот раз его дёрнули сильнее, за обе ноги, пихнули в живот, схватили сзади за край штанов. Молодцов бешено замолотил ногами в воде. Пятки несколько раз ударили во что-то твёрдое, покрытое слизью. Хватка сзади ослабла. «Вырвался?»

Тут же Данилу схватили за левую руку. Он еле выдернул её из мёртвой хватки, успел заметить около себя бесформенный комок водорослей, но в следующий момент ему стало совсем не до раздумий. Его дёрнули так, что он с головой ушёл под воду. Отчаянным усилием он смог ещё раз вырваться на поверхность, жадно глотнуть воздуха, и его утанули обратно.

В воде Данила учуял мерзкий кислый запах тухлятины и, несмотря на плохую видимость, в самом деле углядел рядом много водорослей.

«Может, я просто в них и запутался, – подумал Молодцов, – испугался, меня судорогой скрутило? А ведь мог с мечом в бою погибнуть, как мужчина. Теперь по своей же глупости тону. От ведь, ё-моё!»

Тут водоросли перед Данилой разошлись. На него уставились два синих светящихся глаза, и к нему потянулась рука. Обычная женская рука с пятью пальцами. Но Молодцов меньше бы испугался акульей пасти, чем этой руки. Пальцы, коснувшиеся предплечья, были холодными.

Страх не было. Панический ужас смёл его и ввёл в ступор. И физический, и психический. Никаких мыслей в голове не возникало, и двинуться Данила тоже не мог.

Толком лица существа в водорослях Данила не видел, но разглядел, как вторая рука направилась к нему. К груди. И тут к ней, словно сам, потянулся нательный крестик, оставленный заботливыми работорговцами. Между ним и холодными пальцами промелькнул ветвистый разряд. Пальцы отдёрнулись, а Данилу будто прошибло электрическим током.

От боли и ужаса он отчаянно рванулся вверх, вынырнул, широко вдохнул...

Как выбрался на берег, Данила не помнил. Обнаружил себя прислонившимся к сосне, трясущимся, как мокрый котёнок. А он и был мокрым. И против здешних жителей что котёнок. Работорговцы, варяги, русалки какие-то.

«Да, именно русалки», – словно шепнул в подсознании кто-то. Данила огляделся и из последних сил отошёл метров на тридцать от реки.

Всё! Он ощутил, что если немедленно, сию секунду, не заснёт, то с ним случится что-то страшное. Молодцов завалился на поросший мхом ствол и постарался унять дрожь в конечностях. На востоке забрезжил рассвет. Ну и пусть с ним, будь что будет. Завтра разберёмся, что делать.

Разлепив глаза, Данила опять подумал, что это глюк, а потом у него в голове пронеслись сюжеты всевозможных фильмов ужасов, что он смотрел. Молодцов увидел перед собой девочку в серо-зелёной рубашке, лет одиннадцати-двенадцати. Девочка сидела на корточках и, увидев, что Данила проснулся, изрекла:

– Я думала, ты утром исчезнешь.

И прыснула в кусты.

Данила почесал голову и потопал по её следу. Что ещё оставалось делать? Шагов через сорок он увидел целую стаю ребятишек, поспешивших скрыться в лесу.

– Эй, хорош бегать! Я никого не трону. Мне бы поесть да переночевать.

В ответ – молчание. Молодцов пошёл через лес, угадывая в траве следы детей. Неожиданно метрах в двадцати увидел ту же девчущку, что встретил утром. Она указала ручкой влево и сама убежала в ту сторону.

Молодцов потопал в указанном направлении и вскоре вышел на вполне приличную тропинку. А через час движения ему встретился, можно сказать, блокпост в виде двух мужиков. Один из них, старик, до боли походил на того, что заправлял в деревне, где Данилу обратали. Второй был дюжим брюнетом с курчавой бородой, явно мучившийся похмельем. В волосатых

лапищах он сжимал дубину, которой, без сомнения, можно было уgomонить Молодцова и ещё десяток таких, как он.

– Кто таков? – спросил старик.

«Дубль два», – грустно подумал Данила.

– Человек, простой человек.

– Вольный али холоп?

– Вольный, – немного подумав, ответил Молодцов.

– Откель будешь?

– Издалека.

Старик прищурился, разглядывая Молодцова.

– Что, старый, – не выдержал Данила, – удивлён, что я ещё живой?

– Может быть. Наська видела, как ты из реки выбрался.

– Было дело, – не стал отнекиваться Данила. – Так что ж, я на живого человека мало похож?

– Всякое бывает, – тонко протянул старик.

– Ну проверь меня.

– Дык как же я проверю: живой ты али кромешник? Эт к волхву надо вести.

– Тогда я не знаю. Делай что хочешь.

Данила плюнул на всё, мысленно, и сел на траву. Захочет старик, прикажет этому с дубиной, и тот мигом из него дух вышибет. Не захочет... Тогда опять в рабство? Брюнет с надеждой посмотрел на старика: мол, дадим по башке этому чудику – и дело с концом.

– Наська баяла, – подумав, продолжил старый, – будто видела с ребятей, как навь в речке балует. Такое на Праздник бывает. А потом ты объявился. Как же так вышло?

– Знаю, с кем баловала эта... навь, – ответил Данила, – со мной. Чуть не утопила, еле спасся.

– О как! Как же ты спасся?

– Как?.. – усмехнулся Молодцов. – Если б я знал... Крест помог, наверное.

Данила выудил из рубахи нательный крестик и тут понял свою ошибку. Русь. Киев, варяги, они же язычники тут все. Кто знает, как они к крещёным относятся? Может, тем, кого за зомби примут, они просто бошки отшибают, а христианам что-нибудь позаковыристее придумывают.

Старик, однако, неприязни не выказал. Поглядел внимательно на крест, а потом изрёк:

– Ромейский бог сильный. Хоть тут и не его земли, он многое может. А ну, перекрестись, как тебе положено.

Молодцов перекрестился, хоть в церкви очень редко бывал, но помнил, как это делается. Справа налево.

– Таксь. Ладно, поднимайся, молодец. Всякому видать, что ты не кромешник. Меня зовут Житко, вон его, – морщинистая артритная ладонь указала на брюнета с дубиной, – Вакула. Тебя как?

– Данила, – ответил Молодцов.

– Не слышал раньше такого имени. Ну, пошли-пошли с нами. Токсь ты это... вперёд нас по тропинке топай. Не бойсь, исподтишка бить не станем. А ты не сопи, Вакула. Чего ждёшь? – этот вопрос был уже обращён к Даниле.

Молодцов меж тем рассудил: живот уже сводило от голодных судорог, на невольничьем рынке нормально не кормили, и больше суток он вообще ничего не ел, шея, натёртая колодками, уже начала воспаляться, да и сами силы были на исходе. Выбора у него не было. Вернее, так: либо доверяешь этим двум местным, либо нет, и тогда рискуешь загнуться через пару дней в этих лесах. Но если они попытаются напасть, то опять в рабство Данила не собирался. Он

уже прикинул, что к чему в этом мире, и решил, что лучше погибнет в мелкой стычке, чем его принесут в жертву какому-нибудь истукану.

– Да ничё, пошли, что ли. Только дорогу показывай, – ответил Молодцов.

Дорога не заняла много времени. Деревенька до боли походила на уже виденную Данилой. Полдюжины домов, скорее землянок, окружённых хилым заборчиком, запах навоза. Вместо свиней наличествовала мелькая тощая корова и примерно такой же комплекции кобыла. Чуть вдалеке, на лужке, Данила разглядел что-то похожее на ещё одного кумира – вырезанную из дерева скульптуру то ли пегаса, то ли ещё какого зверя с крыльями.

– Симаргл, бог наш, – добродушно пробасил брюнет с дубиной в ответ на вопросительный взгляд Данилы.

Похоже, прогулка помогла бородачу избавиться от похмелья, и он уже не хотел размазать чужака по дереву за то, что тот стал причиной его беспокойства.

Первым делом Даниле дали попить. Из самой большой избы скрюченная старуха вынесла в деревянной плошке напиток. Молодцов выдул всё. На вкус питьё было похоже на хвойный отвар с шиповником.

– Благодарствую, – от души сказал Молодцов и даже попробовал отвесить что-то вроде поклона.

– Ты посиди пока, – сказал тем временем Житко. – Я за Лисой схожу, шея мне твоя не нравится, как бы огневица не началась.

Лисой оказалась рыжая жуткая злая старуха в лохмотьях. Повертела голову Молодцова за подбородок, пробурчала что-то сварливо и быстро умчалась прочь. Вернулась с набором местных медицинских инструментов, если, конечно, можно их было назвать инструментами и уж тем более медицинскими. Лисе принесли котелок воды, та стала в него макать льняные лоскуты и ими же чистить рану на шее, иногда помогая себе маленьким ножиком. Процесс для Данилы был очень неприятен, но спасибо, хоть калёным железом жечь не стали – так вроде бы лечили раны в старину. Затем старуха-медик забинтовала шею Молодцова всё той же льняной тряпкой с обжигающей мазью и взялась за его запястья.

Когда все процедуры закончились, Лиса умотала. Данила в холодном поту переводил дух. Тут к нему и подсел гостеприимный старик.

– Ну, здравствуй ещё раз, молодец. Я староста здешнего погоста, как зовут меня, уже знаешь.

– Староста кладбища, что ли? – удивился Данила и, увидев, как переменились лица гостеприимных хозяев, поспешно добавил: – Я не хотел никого оскорбить, просто погостами у меня на родине называют кладбища.

– А не так уж и глупо. – Житко сипло засмеялся.

Вакула тоже захохотал – будто по деревянной бочке дубиной стали лупить.

– Ну, рассказывай, молодец, кто таков, откуда. Думаю, интересная история будет, а я интересные истории люблю.

Молодцов вздохнул, врать и придумывать не было смысла.

– Да что рассказывать? Попал я к вам издали, по дороге где-то в здешней округе встретил троих молодцев. Не получился у меня с ними разговор, обиделись они, за то я обидел их. Ушёл от них недалеко, на следующий день меня догнали их друзья, врезали, кажется, тупой стрелой по голове. Так я угодил в рабы, ну, или в холопы по-вашему. Продали меня купцу Жороху, тот в Киеве перепродал другому купцу. Но меня никто не покупал. Я же сказал, что нездешний и к вашей работе непривычен. – Данила решил опустить эпизод с попыткой побега. – Тогда по дешёвке продали варягам, чтобы те нас в жертву отдали Перуну.

– Тогда как же ты выжил, молодец? – удивился староста. – Неужто перед богом кого из варягов одолел?

– Если бы. Самого слабого из них на дюжину таких, как я, хватит. Сбежал я. Ну и повезло мне. В реку прыгнул, за мной никто не полез. А уж в реке, у самого берега, на меня эта самая навь напала. Может, из-за неё за мной и не погнались. Спасся я чудом, выбрался на берег, тут меня и ваша девчужка увидела. Я пошёл за ней – и вас встретил. Вот и вся история. И ещё хочу сказать: спасибо вам за помощь и еду, но обратно в рабство я не вернусь, плохой из меня раб. А за вашу помощь я, как скажете, отплачу, – выпалил Данила, чувствуя себя мышью, которая грозит коту.

– Да, – протянул староста, – смотрю я, дивные истории ты рассказываешь. Ликом ты наш, полянин, и выговор у тебя нашенский. Норовом ты вроде вой или из разбойного люда, а с оружием обращаться не умеешь и правильному делу не обучен. И ещё веришь в ромейского бога. Откуда же ты?

– Издалека, – уклонился от ответа Молодцов. – Воин я, ты угадал, но у нас в стране по-другому сражаются, всё машины хитрые используют или только голыми руками. Вот я и выучился только драться.

– Хм, слышал я, что ромеи на всякие выдумки горазды, разные машины строят и даже огнём на море корабли жгут, – теребя бороду, ответил старик. – Может, ты и нам такую машину построишь?

– Нет, для того особый... инструмент нужен.

– Да брешет он всё, – не выдержал Вакула, он окончательно оправился от похмелья, внимательно разглядывал Молодцова из-под мохнатых бровей и под конец истории Данилы всё-таки перебил, – брешет. Тать это, который плетей избежал, и не холоп он вовсе, а челядин обыкновенный. В порубе ему самое место, и хозяину вернуть, пусть он нам за это подарок сделает.

– Я оправдываться не стану, – глядя не на Вакулу, а перед собой, отчеканил Молодцов. – Но знайте, на голых руках я любого из вас поборю.

– О как, – осклабился брюнет, – давай!

– Ты это, охолонь. – Но, как оказалось, староста переживал вовсе не за здоровяка. – Вакула у нас кузнец, подковы гнёт руками, зашибёт ненароком.

– Ничего, я легонько, – пообещал кузнец.

– Я тоже, – сказал Данила, вставая с завалинки.

Вакула отошёл на пару шагов, раскинул руки, будто собрался заключить оппонента в дружеские объятия. Данила не испугался ни грозного вида, ни огромной, должно быть, силы. Не всегда сила солому ломит.

Вакула ринулся на него, Молодцов сбил захват в сторону, сам оказался сбоку от противника, схватился за волосатую лапищу, дёрнул на себя и сам качнулся навстречу. Заехал лбом в висок кузнецу, длинным крюком засветил в затылок и добавил снизу, из-под руки, апперкот. Оп-па! Поднатужившись, Молодцов бросил противника через бедро. Всё, иппон. Ой... нет, не иппон.

Вакула поднялся с земли, отряхнулся и со звериным оскалом снова пошёл на Данилу. Вот тут Молодцов по-настоящему испугался, и от страха тело само подсказало верное решение. Данила отступил на шаг и крутанул вертушку. Кузнец не успел закрыться или не посчитал нужным, так что удар прошёл в полный контакт. Данила ощутил острую боль, когда его пятка долбанула в голову противника. По инерции он пронёс ногу дальше, развернулся ещё на сто семьдесят градусов и замер в боевой стойке лицом к противнику.

Кузнец простоял ещё секунду, потом глаза сошлись в кучу, и он второй раз рухнул в пыль.

– Тьфу, и-тить его! Наська, зови опять Лису, – проворчал староста.

Когда кузнеца, уже почти оклемавшегося, отвели в местную «поликлинику», староста отозвал Молодцова в сторонку.

– Парень ты, вижу, ловкий и с норовом. Нам такой может пригодиться. Ты говорил, что отдарись за помощь, что мы тебе оказали. Ну так слушай наш с тобой ряд. На днях мы товар повезём, на торг в город. В лесах по дороге ватажки татей стали озоровать. Сопроводишь товар наш до города, считай, мы долга друг к другу не имеем. Ну как, согласен?

Данила ответил не думая:

– Конечно, а что мне ещё делать.

В путь отправились через три дня, как раз когда у Данилы поджили раны. Проводы получились колоритные – с воплями, визгами и слезами. Местные бабы провожали мужиков, как в последний путь. Что, наверное, логично. Риски не вернуться из торговой поездке здесь выше, чем не пережить год срочной службы на родине Данилы.

В поход отправились вшестером. Староста деревни, вооружившийся метательным копьем-сулицей, кузнец Вакула, Данила и ещё трое местных мужиков, одним из которых был племянник старосты со смешным прозвищем Жёлудь. Голова у него была чудно вытянута и закруглена сверху, формой и прям напоминала жёлудь, борода была светлая, а волосы на макушке русые, что только увеличивало сходство.

После того как товар распродают, Данила не планировал возвращаться. Всё по уговору со старостой – их караван нужно было сопровождать только до торга. А уже в городе Данила был свободен, но мог обратиться к Вакуле, чтобы тот помог с работой. Как узнал Данила, Вакула был из рода Житко, но жил в городе собственным двором, а в деревню пришёл из-за каких-то своих обещаний, данных богам. Кузнец, после того как Данила вывалял его в пыли, к Молодцову ненавистью не воспылал, но и особо тёплых чувств не выказывал, относился со сдержанным уважением. Поэтому Молодцов решил отложить трудный разговор с ним на потом.

Все три дня перед отправкой каравана Данила тренировался с кистенём – местным средством самообороны для низших слоёв населения. Выходило вполне приемлемо. Молодцов умел и любил работать с нунчаками, и для кистеня подходила та же базовая техника. Но насколько этой базовой техники хватит, чтобы справиться с местным разбойником, который с младых лет бегаёт по лесам и машет топором, Данила не знал.

Вакула снизошёл и объяснил глупому чужаку, что кистень против доспешного противника, да ещё с мечом, бесполезен, но ни один вой не станет мараться из-за товара, который они везут. А вот против лесных татей кистень – самое то.

– А что за груз везём? – спросил Данила у старосты; он ехал с ним в одной телеге, вторую возглавлял Вакула.

– Жито, воску немного, мёд, – ответил старик. – Жито в этом году хорошее уродилось. Озимые высоко поднялись, на всё лето хватило и даже ещё осталось. А перед осенью цены на него – ох, хорошие!

Молодцов подумал немного и спросил:

– Так поэтому тебя Житко зовут, что ты хлеб хорошо растишь?

– Что ты! – Слова Данилы явно польстили старосте. – Житко ещё моего прадеда нарекли, тогда у нашей общины знаешь какие земли были, как растили хорошо! Да потом степняки наскочили, кого убили, кого в полон увели. У нас боярин земли за долг взял. Мы – те, кто жив остался, – сюда перебрались. Свободные, чай. Мне тогда восемнадцать годков было. А хлеб наш род умеет растить, ни разу на моей памяти не было, чтобы у нас два года подряд неурожаи случались. – Сказано было с такой необычайной гордостью, что Данила понял – дела с сельским хозяйством в Киевской Руси не очень. – Тут что, главное, надо, – вещал староста, – перво-наперво всё поле как следует выкорчевать, чтоб корней не осталось. Ну а после...

Староста разразился долгой и обстоятельной речью о том, как надо растить хлеб. Путники, кроме Данилы, наверняка слышали все эти наставления не раз, но слушали не перебивая.

От Молодцова же довольно многое ускользнуло, поскольку речь Житко состояла из множества специализированных терминов.

«Прямо профессор вещает», – с улыбкой подумал Данила.

И вдруг понял: да, профессор. Старик рядом с ним по уровню и глубине знаний вполне равен какому-нибудь академику из РАН. И дело вовсе не в разнице во времени. Житко ничуть не глупее профессора высшей математики, но пусть попробует этот профессор в условиях полного отсутствия механических приспособлений и удобрений вырастить урожай. Пускай не математик, а химик или ещё какой-нибудь технарь. Вряд ли у них что-то получится.

И тут же за одной мыслью последовала другая. Данила понял, почему в старину так уважали стариков. Они были единственным средством передачи знаний и накопленного опыта в отсутствие письменности. А массовая безграмотность на Руси процветала, считай, до середины двадцатого века. По крайней мере, Данила ни разу не видел, чтобы кто-то что-то записывал или просил передать записку. Все обходились своей памятью, очень хорошей, кстати.

Житко для своих односельчан был техническим пособием, базой данных на все возможные случаи в жизни и учебником истории в одном лице. Немалая ответственность.

Тем временем староста окончил свою речь, Данила понял только то, что полей под зерно должно быть три: одно под озимые, одно под яровые, одно обязательно отдыхает. А меж тем уже наступал вечер.

– Отдохнём здесь, – сказал Вакула, – я неподалёку полянку одну знаю, с ручейком, а завтра с восходом выйдем.

– Добре, – сказал староста.

– Слушай, Жёлудь, – спросил Данила, когда уже развели костёр и стали готовить ужин, – я опять никого не хочу оскорбить, но ваша деревня погост называется, а что это значит?

– Чудной ты, – ответил племянник Житки, но объяснил: – Мы – погост, значит, в нашу деревню дань свозят со всех окрестных деревень. Раньше этим старый занимался, – Жёлудь указал на старосту, – а теперь его боярский тиун заменил. Говорят, нечего смердам боярскими делами ведать.

– Погоди, и что ж, к вам сам князь придет? – живо заинтересовался Данила.

– Эх ты куда хватил! Нет, дань всю в Вышгород свезут, а оттуда уже князю. Но это только в конце осени будет.

– А вообще князь полюдье – весёлое дело, – потянувшись, довольно сказал Вакула. – Еды сколько хошь, питьё хмельное, девок тоже – сколько хошь.

– Это тебе весёлое. Он у посадника в уважении, – пояснил Жёлудь для Данилы, – а нам, общинникам, один разор.

– Да ещё девок могут попортить, – решил поддержать разговор Данила.

Жёлудь странно посмотрел на него.

– Тут ты не прав, – проскрипел Житко. – Ежели какая девка от княжьего гридня понесёт, то роду от этого будет только прибыток. Видал ты варягов на перуновом острове?

– Ну, – согласился Данила, – очень хорошо даже видел.

– Вот, а теперь представь: от того девка родит, какой муж выйдет. Сильный, здоровый и в старости опора.

Односельчане Житко дружно закивали, а Данила глянул на Вакулу и понял, что кузнец на сей счёт имеет своё мнение, но озвучивать его не хочет.

– Так, а дань какая у вас, сильно высокая? – решил сменить тему Молодцов.

– Да как сказать, – слово опять взял староста, – терпеть можно. Оброк строго определённый, лишнего не берут. Правда, может боярин какой с дружиной проехать, фураж взять и за него не заплатить, но это уж как поведётся. Живём – не тужим. Лишь бы степняк не наехал, но мы далеко от их стороны Днепра, до нас не достанут. А вот они могут и ради удовольствия

людей запытать, и жито пожечь, но тоже редко. Чаще в полон просто угоняют, из него выкупиться можно. Только ежели тебя князь выкупит, ты его холопом станешь.

– А если усобица начнётся? – спросил Данила, решив мягко подвести старосту к разговору о нынешнем князе Киева. Будет совсем странно выглядеть, если чужак не знает даже правителя окрестных земель.

– А что усобицы? Нам-то какая разница, кто в Киеве сидеть будет?

– Ну, война всё-таки, землю воины разоряют.

– С овцы две шкуры не спустишь, с поля два урожая не соберёшь. Зачем воинам да боярам нас голодом морить? Погибнет община – и им дани не будет. Придут воины – дадим, сколько сможем, и только. А кто на стол княжеский сядет, нам всё равно. Лишь бы князь был сильный, богам любый, да урожай от него был. Вот раньше сидел в Киеве сын Святославов, Ярополк. Да его Владимир оттуда выгнал.

– Да что там, Ярополк сам сбежал, – влез Вакула, – сам сбежал и всё наследство отца оставил.

– Сбёг, – подтвердил Житко, – в Родне засел. Так пока дружинники Владимировы город этот в осаде держали, весь народ там с голоду помер. Не дай боги нам такой беды, как на Родне. Сейчас княжит Владимир, он князь сильный, за старых богов, а Ярополк-то был ромейской веры.

– Так вроде в Киеве тоже есть бояры ромейской веры? – сказал Данила, вспомнив какого-то боярина Серегея.

– Есть, и что с того? Богов на земле много, всех и не узнаешь, а каждого уважить надо. Тем более бояре с ромеями много торгуют. Конечно, им надо и ромейского бога уважить, как же иначе. Владимир сам ромейских жрецов и бояр с подворья привечает, церкви, те, что его бабка построила, многие оставил. Всё по уму. И земля при нём каждый год хорошо родит.

– Что, урожай тоже от князя зависит?

– Ну а как же? Он землю перед богами держит!

– Понятно, – усмехнулся Данила.

Всё у этого старосты ловко получается. А интересно, те люди, в Родне, тоже думали, что князь больше положенного не возьмёт?

– Весёлая у вас жизнь, – сказал Молодцов.

– Да уж, не грустим. Ну, будет пустые разговоры сказывать. Давайте почивать.

Все молодые мужики беспрекословно выполнили распоряжение старика.

Едва красный шар солнца стал проглядывать между елей по сторонам тракта, путники собрались в дорогу. Данила ехал по-прежнему со старостой и продолжал донимать его вопросами. Старику, похоже, нравилось.

– А расскажи о вашем князе Владимире? – попросил Молодцов.

– Ну, нашёл у кого спрашивать. Хотя ты нездешний, многого не знаешь. Володимир, он за старых богов. Старший сын Святославов. Не от законной жены, а от рабыни, но сам Святослав принял его в род, так что всё по Правде. Отправил Святослав Владимира с дядькой его княжить в Новгород, а сам отправился воевать чужие земли, да в них и сгинул. В Киеве после него сел его сын Ярополк, старший сын от законной жены-угорки. По Правде он вроде бы старший, да по годам – отрок. Владимир его много старше. Пока Ярополк был в Киеве, всем верховодил Свенельд – лучший Святославов воевода. Говорят, именно он подбил выгнать князя Владимира из Новгорода. И даже снарядил в поход своего сына – Люта. Тот выгнал Владимира из Новгорода, и отправился Святославов сын к нурманам-разбойникам, с кем давно дружбу водил.

Но, видимо, не понравилось богам, что устроил Свенельд – сына Святослава законного стола лишил. На следующий год Лют встретился со вторым сыном Святослава, Олегом, млад-

шим, от угорки рождённым. Что-то они там не поделили, и Олег убил Люта, хотя по годам был тоже ещё отрок. А Лют и с булгарами воевал, и с ромеями. Понятно, здесь боги вмешались. Свенельд от этого дюже осерчал, Лют у него был последний сын, и опять подбил Ярополка выступить уже против родного брата. Собрал Ярополк войско и сразился с Олегом у Обруча – стольного града удела Олегова, что в древлянской земле. Да в битве той брата и убил. В толковище Олега воинами его завалило.

Ярополк, говорят, сильно переживал и Свенельда от себя прочь прогнал. Да только тем, кто родную кровь пролил, боги пощады не дадут. Из-за моря вернулся Владимир. Сначала вокняжился в Новгороде, потом Полоцк взял – тамошний князь его сильно оскорбил – и на Киев пошёл. А при Ярополке тогда большую власть взял боярин Блуд... У-у-у, тварь ненасытная, тиуны его и с нашей общины оброки драли, чтоб им повылазило, пока Владимир ему укороу не дал. Но это было после.

А тогда Блуд у Ярополка в большом почёте был. Слушал он его много. Блуд и уговорил Ярополка Киев покинуть и в Родню уехать, дескать, в Киеве народ бунтовать против князя станет. Что дальше было, ты знаешь... Беда, как на Родне. – Староста тяжело вздохнул и перевёл дух. – Да только Блуд этот давно уже преметнулся к Владимиру. Он уговорил Ярополка и из Родни выехать. Владимир крепость ту почти год осаждал, да взять не мог или не хотел. Блуд уговорил Ярополка ехать в Киев к брату, просить прощения. А в Киеве Владимир уже брата своего убил. Но всё опять по Правде: не он первый родную кровь пролил, но за неё спросил. Всё как уложено.

«Так-так, – думал про себя Данила, – уж не Владимир ли это Красно Солнышко – Креститель Руси? Или не он крестил Русь, а Мономах? Этот вроде язычник, брата своего убил... А кто его знает, может, это вообще какой-нибудь не известный летописи князь. Мне один знакомый реконструктор заявил, что, мол, всё написанное в Повести временных лет о ранних годах Руси наполовину фэнтези. Тут что хочешь, то и думай».

– А сам князь, какой он, ну, характером? – уточнил Данила.

– Да что сказать – правит твёрдо, спуску никому из бояр не даёт. Ещё говорят, до девок охоч жутко. Но это тоже богам угодное дело, а роду – прибыток. При нём только один раз степняки уж больно жёстко налетели, полона много взяли, но до нас не дошли. Владимир с ляхами ратился – победил. Вятичей замирил, те бунтовать против него вздумали. Сейчас вроде как на волжских болгар войной пошёл, победит, наверное. Хотя болгары много силы взяли, и боги у них свои. Вроде как Алле кланяются.

– А что тогда бояре в этого Аллу тоже не верят? – спросил Данила, вспомнив слова Житко о том, что многие бояре в Киеве крестились, чтобы удобнее торговать с ромеями было.

– Так по ихнему закону мёд и пиво пить нельзя, – серьёзно ответил староста, не стебался, – и свинину есть нельзя, как у иудеев. Нам-то без разницы, мы эту свинину раз в год видим, а князь, говорят, её очень любит.

– А по ромейскому обычаю в жёны нельзя больше одной брать, – вставил вдруг Вакула, – а у Аллы – сколько хошь бери, лишь бы прокормить смог.

И заржал.

– Ага, зато крайнюю плоть обрезают с... ну, в общем, с мужского достоинства. – Поддавшись непонятному порыву, Молодцов решил поддержать сторону православия.

Вакула смех оборвал, задумался. Крепко задумался, как и все остальные путники.

– А ну их всех, с ихними чужеземными обычаями, – изрёк кузнец. – Мы живём по своим законам, чтим пращуров, и нам хорошо. Так, старый?

– Так, – подтвердил Житко.

На этом теологический диспут закончился, а караван продолжил путь. Ехал он не в Вышгород, как сначала почему-то думал Данила, а в другой город, под названием Бродов. Всё из-за

тех же жадных приказчиков боярина Блуда. В Бродове был свой посадник, и там, оказывается, жил кузнец Вакула.

По всему выходило, что этот населённый пункт станет для Молодцова точкой отсчёта для обустройства в этом мире. А заодно, может, он поймёт, что за чудеса с ним произошли. Поэтому о Бродове следовало расспросить как следует. Подходящий источник информации – Вакула – как раз находился рядом. Но уже по означенным причинам Данила не горел желанием идти на контакт с кузнецом, и кузнец отвечал ему тем же. Словом, Молодцов решил отложить сбор информации до завтра: ехать им оставалось как раз ещё один день.

А пока же телеги маленького каравана неспешно скрипели по лесному тракту. Никаких особых событий за время путешествия не произошло. Если не считать того, что пришлось пару раз быстро сворачивать, чтобы уступить дорогу конным воинам. Те неслись во весь опор и даже не подумали затормозить, наверное, могли и стоптать путников, если бы они не оказались достаточно проворными. Высшее сословие, блин. Или здесь до сословий ещё не додумались?

Ещё встретили настоящий купеческий караван. Поезд, как здесь говорят, из семи телег. Житко степенно поздоровался, и оба каравана с трудом разминулись на узкой лесной дороге. Всё время, пока поезд оставался в пределах видимости, Вакула и Житко выглядели настороженными. Похоже, помочь расстаться с имуществом здесь могут не только разбойники, но и местные коммерсанты. Как говорится, медведь в тайге прокурор, и ничего не попишешь.

Ехали весь день, но не очень быстро, чуть быстрее скорости пешехода. Остановились затемно, выехали опять рано утром.

– А засветло добаться сумеем? – беззаботно спросил Данила, полагая, что уже знает ответ.

– Вряд ли, – ответил Житко, – ну да это ничего страшного. Город уже рядом, нас и по тёмному времени пустят.

– А вот это уже очень плохо, – враз посерьёзnel Данила и мысленно обругал себя. Надо было раньше узнать маршрут, может, удалось бы подогнать старосту, глядишь, и раньше в город приехали бы.

– Чего плохого? – удивился Вакула. – Сказано же тебе – город рядом.

– В том-то и дело. Перед домом или другим безопасным местом человек всегда расслабляется, успокаивается, тут его всякая шваль разбойная и поджидает.

На полянке, где ночевали путники, повисла тишина.

– А чужак дело говорит, – сказал один из деревенских.

– Тихо ты, без тебя разберёмся, – оборвал его кузнец.

– Делать нечего, – пожал скошенными плечами староста, – будем ехать. Куда деваться? Авось, прашуры оберегут.

«Авось – это великое русское слово», – подумал Данила, нащупывая шнурок кистеня в рукаве и стискивая рукоять ножа, одолженного, а не подаренного, старостой на время поездки.

Оказывается, наличие оружия на поясе, даже самого плохонького ножа, – признак мужчины. Конечно, куда более солидный признак – это гривна на шее. Гривна здесь что-то вроде денежной единицы и одновременно статусная вещь. Представляла она собой обруч из драгоценной проволоки, серебряной или золотой, который носился на шее. Как раз те самые штуки, которые видел Данила на молодых воинах, встретившихся ему на невольничьем рынке.

Данила пока свою гривну не выслужил, и даже кистень с ножом у него были дарёные, но какие его годы. Он освободился из рабства и стал свободным без чьей-либо помощи, если не считать того, что в деревне Житко его накормили и вылечили. С другой стороны, Молодцов своё пребывание в этом удивительном мире не рассматривал как нечто необратимое. Вдруг есть какой-то способ вернуться? Или всё путешествие вроде какой-то временной петли: надо выполнить какое-то задание, как в квесте, и тебя вернут обратно? Только чем мир, в котором

жил Молодцов, лучше теперешнего, в который он угодил? Да, там из него не сделают раба вроде как по закону, но не зря же умные люди говорят, что ипотека заменила крепостное право.

Проблема в том, что всякий раз, когда Данила пытался обдумать своё невероятное перемещение, он скатывался в какую-то лютую шизофрению. Тем более что и обстоятельства не способствовали отвлечённым думам. Их караван подходил к самому опасному участку пути. Данила это кожей чувствовал.

С каждым часом их неспешного путешествия напряжение нарастало. Колёса телег мерно поскрипывали, и Даниле ужасно хотелось подгонять кобылок, влекущих телеги. Но тощие животные и так тащили их с максимальной скоростью, а после полудня стало понятно, что засветло караван до города не доедет.

«Птицы замолчали», – так о подобных ситуациях пишут в плохих романах. Но в том-то и дело, что птицы вполне себе мирно цвиркали, солнышко светило и травка зеленела. Никаких видимых признаков угрозы. А у Данилы по спине бежали мурашки и в животе холодело. У него было ощущение, что кто-то недобрый противным липким взглядом уставился ему в спину.

Молодцов даже пару раз оборачивался. Осторожно, чтобы не заметили мнимые преследователи, но сам разглядеть в кустарнике по краям дороги никого не смог. Своими переживаниями Данила не стал делиться с попутчиками, те на него и так косились после слов, сказанных утром, и сами, похоже, испытывали сходные ощущения. А может, это просто было самовнушение, может, Данила и в самом деле на всех страху нагнал на пустом месте. Мда... выглядеть трусом и идиотом в глазах местных не хотелось, но Молодцов очень хотел ошибиться в прогнозах.

Солнце коснулось верхушек деревьев вдоль тракта, и вскоре на него набежала тень.

– Уже скоро, – сказал староста, а лошадки сами прибавили ходу, должно быть, учуяли запах человеческого жилья.

Данила не успел обрадоваться. В скрип колёс вплёлся похожий, но другой звук, уже знакомый Даниле. Молодцов краем сознания смог уловить его, а тело на этот раз не опоздало, а само приняло решение. Данила на голых рефлексах кубарем слетел с телеги, уже в воздухе услышав звонкий щелчок и то, как над ним с шорохом пролетает смерть. Молодцов приземлился на подставленные руки, перекувырнулся, запоздало прокричал:

– Враг!

И увидел, как на него нападает заросший мужик с топором. В куртке с металлическими бляшками. Данила с колен метнулся в сторону и махнул наугад кистенем. Шнурок его оружия обмотался вокруг голени нападавшего. Тот на миг потерял Молодцова из виду, развернулся. А Данила ещё раз перекатился по земле и, вставая опять на колени, потянул захваченную ногу за собой, как рыбак, подсекающий рыбу. Разбойник от такого неожиданного маневра потерял равновесие, с воплем повалился на Молодцова, замахаясь топором. Данила рывком начал подниматься, чтобы сократить замах возможного удара. А рука, опять будто сама, нащупала рукоять ножа и нанесла мощный удар. Нож вошёл точно между ног, с противным скрежетом проехался по кости.

Топор разбойника больно ударил Данилу рукоятью в плечо – хорошо, что древком, а не лезвием. Сам разбойник дико заорал, плюхнулся спиной на землю и задёргался. Данила потянул нож, но тот увяз. Раздумывать времени не было. Молодцов аккуратно приподнялся над дёргавшимся разбойником, поднял оброненный им топор, попытался в темноте кустов разглядеть лучника. Услышал знакомый скрип, метнул топор на звук. Раздался щелчок, стрела пролетела над Данилой, а он сам с криком побежал к лесу. Увидел тёмную фигуру, приснувшую за дерево, резко затормозил. Развернулся на пятках и бросился ко второй телеге, где от пятерых разбойников отбивался Вакула с двумя деревенскими. Втроём они были прижаты к борту. Один из разбойников уже взобрался на телегу, но кузнец так ловко орудовал оглоблей, что

добраться до него пока не получалось. Именно пока, потому что из плеча у него уже торчал черенок стрелы.

Данила подбежал к разбойнику, который взобрался на телегу. Но тот, гад такой, будто почувал удар, подпрыгнул, пропуская кистень под собой. Спрыгнул на землю и сразу нанёс косой удар. Один, второй и тут же – по низу. По ногам. Данила подпрыгнул, махнул кистенём, достал, но только вскользь. Каменное грузило только чиркнуло по шапке с металлическими заклёпками. Разбойник оскалился, не спеша начал наступать. Ух, ну и рожа у него – чистый помойный кошара, и морда так же изодрана.

Данила стал отступать, не испугался – просто решил поймать свой шанс. Потом вспомнил про лучника за спиной. Развернулся полубоком, чтобы оставаться на линии с разбойником, и попробовал изобразить что-то вроде «качания маятника». Разбойника, похоже, это только развеселило. Тут Молодцов сообразил, что время играет на стороне его противника: Вакула, без вопросов самый сильный боец в их компании, вот-вот может пасть.

«Интересно, как он там? Ни черта не разглядеть, только силуэты мелькают, и крики, – размышлял Молодцов. – Эх, была не была!»

Решившись, Данила нарушил главную заповедь боя с оружием: бить всегда не по оружию противника, а по телу. Молодцов махнул кистенём издалека, изобразил удар. Разбойник небрежно защитился (ясно же, что не достанет), выставил топор на уровне лица. Наверное, рассчитывал, что кистень обмотается вокруг рукояти, тогда он ловко выдернет последнее оружие из руки Молодцова. Только Данила целил не в рукоять, а в обух. Кистень не обмотал его, а всего лишь захлестнул, после чего спружинил обратно. Молодцов чуть повернул кисть, вытянул вперёд руку и вытянулся сам. Кистень, послушный его воле, прочертил обратную дугу и заехал разбойнику точно в челюсть.

«Кряп!» – разбойник без шума повалился на землю. Данила не раздумывая упал на него, ни на секунду не забывая о лучниках в лесу, выдернул из крепкой хватки поверженного врага топор. Быстро приподнялся и, размахнувшись, швырнул кистень. Куда-то туда, в мельтешение тел, где бился Вакула. Услышал глухой шмяк обо что-то, вроде попал. Вцепившись покрепче в незнакомое оружие, Данила в два прыжка – на телегу и с телеги – добрался до Вакулы. Спрыгивая, заорал:

– Вакула, я свой!!! На, твари, бл...

Молодцов замахал топором, на дурака, просто чтобы не подходили, уже понимая, что выстоять против ещё четверых разбойников с лучниками у них нет ни малейшего шанса.

– Тикаем, хлопцы, – тонко завизжал кто-то.

Данила не поверил своим ушам. Секунда – и все тени перед ним растворились в лесной темноте с еле слышным шелестом. Вскоре и этот звук пропал. Данила только успел заметить, как кто-то спрыгнул с мешком на плечах с телеги, на которой ехал Житко. Неужели правда всё закончилось?! Молодцов и сам не мог в это поверить, он уже почти примирился с мыслью, что это и правда... всё. Из враз ослабевших рук выпал топор. Данилу всего затрясло. Сердце в груди часто заколотилось, в голове и ушах застучала кровь. Молодцов прислонился к борту телеги и осел на землю, пытаясь хоть как-то справиться с дрожью. Голоса вокруг он слышал словно сквозь вату. Вдруг рядом задолбил кто-то кресалом, затрещали факелы, и свет от них озарил поле боя. Совсем близко валялся убитый разбойник. То, во что превратилось его лицо после удара дубиной Вакулы, чуть не вызвало рвоту у Молодцова. Спазм скрутил желудок, Данила отвернулся. Его ласково тронули за плечо:

– Данила, ты как?

Жёлудь. В одной руке факел, другая замотана окровавленной тряпкой.

– Нормально, как другие?

– Не очень.

– Помоги, пожалуйста.

Оперевшись, Данила поднялся на ослабевших ногах. Тут же увидел, как Вакула, держа дубину одной рукой, обрушил её на голову разбойника. Того самого, которому Данила вогнал нож в шейку бедра. Никаких угрызений совести или рвотных позывов Молодцов не испытал, потому что увидел, как на другой телеге лежит Житко с окровавленной грудью, а рядом – ещё один деревенский, убитый. Вокруг старосты крутились его ближние. Вдруг ещё живой? Данила поспешил к нему, Жёлудь за ним.

Житко был жив, но всякому было понятно, что ненадолго. На губах у него пузырилась кровь, из раны на груди раздавался свист.

– Жёлудь, Душан, нагнитесь ко мне. – Старик с трудом протянул руку. Жёлудь выполнил просьбу, староста прохрипел: – Главное, береги род!

И что-то зашептал на ухо своему родичу. Меньше чем через минуту Жёлудь с окровавленной щекой поднялся. Его дядя, который ему был вместо отца, умер. Жёлудь посмотрел на Данилу полными слёз глазами, прошептал:

– Пойдём, надо Вакуле стрелу из плеча вытащить.

Молодцов, с трудом осознавая происходившее, смотрел на трупы старика и ещё одного деревенского парня. Люди, которые ему были больше чем друзья, которые спасли его, теперь мертвы, убиты. Из шока его вывел дробный стук. В свете факелов вдруг показалась грозно хряпящая морда лошади, всадник в броне трубным голосом велел:

– А ну, что здесь произошло, рассказывайте?

– Не очень-то ты рад гостям, Радогаст. – На освещённое место вышел Вакула.

– Вакула, ты?! – воскликнул воин в посебренном панцире и остроконечном шлеме. – А остальные, что с тобой, из твоей деревни?

– Из моей, к посаднику мы ехали. Да вот видишь, как на твоей земле нас встретили.

– Вижу, воронья сыть, Шишкоеда работа. У-у-у, выкормыш дохлой козы! Говорил я сотнику: надо эту тварь давно было изловить. Отрок! – гаркнул воин, и к нему подъехал молодой парень в круглом открытом шлеме и броне попроще. – Скачи в город, пускай сюда приведут собачек. И десяток Бурого пускай возьмут. Ничё, Вакула, мы за твою кровь спросим, и хорошо спросим. Слово даю.

Отрок ускакал, а кузнец вежливо склонил голову:

– Верю, Радогаст. Только нам теперь помощь нужна. Раненые у нас есть.

– Помогут вам. Вижу, и тебя самого стрела задела, я её сам вынул. Знаешь же: я в этом мастак. – Воин и двое его подручных прыгнули с коней. – О! Да я вижу: проредили вы ватажку Шишкоеда.

– Они бы нас самих проредили, если бы не воин среди нас.

– Воин? Ну что ж, потом расскажешь. Показывай руку.

Что было дальше, Данила помнил словно сквозь дымку. Его похлопали по плечу, сунули в рот фляжку, потом усадили на телегу и повезли.

Ехали недолго. Молодцов запомнил противный скрип ворот, через которые его провели, ещё горький запах копоти и давно не мытых человеческих тел. Данилу усадили за стол и, кажется, предложили поесть. Кашу с мясом. Молодцов это тоже запомнил. Потому что мясо последний раз ел с месяц назад. На тех самых шашлыках у друга Кольки, до попадания в Древнюю Русь. Запил кашу Молодцов сладким компотом, слегка забродившим, и отрубился.

Первое, что услышал Данила утром, что неподалёку кто-то горланил песню. Слов не понять, зато громко. Лужёные глотки орали так, что пыль с балок сыпалась. О, балки! Похоже на второй этаж. Молодцов встал с кровати, почесал вдруг зазудевшую спину – никак, блохи покусали или клопы. Сделал шаг и споткнулся о груды сложенного барахла. Кто-то оставил возле его кровати две горки старых шмоток. У стены, в изголовье, стояли топоры – тоже две штуки. Постелей в комнате было три. Через открытое окно дневной свет заливал нехитрое

убранство. Данила почесал голову – на этот раз жест был проявлением задумчивости, а не деятельности паразитов – и, не зная, куда себя деть, решился выйти из комнаты.

До этого он ночевал только в землянках или в сараях на невольничьем рынке. Правда, и в деревне у Житко Данила спал в основном на улице, а в деревенские землянки не совался. Всё по тем же причинам: духота, и вонь копоти, и блохи в тюфяках. На свежем воздухе, во вкусно пахнущем сене, спалось куда приятнее.

К этому же дому можно было применить слово «хоромы»: высокие потолки, широкие коридоры, добротнo подогнанные доски, резьба на наличниках и даже на дверных косяках. Осмотрев комнату и коридор, Данила выглянул в окно. Увидел внизу ровный двор, окружённый высоким крепким забором. И десяток парней, рубившихся друг с другом на деревянных мечях в раскладе семь на три.

«Ё-моё, – подумал Данила, – так это я в княжий терем попал! Нет, стоп, как его, – Молодцов хлопнул себя по лбу, – о, детинец! Как я сюда только угодил? Ни хрена не помню. Эх меня крутило после схватки. Реакция на стресс, по ходу. Ничего не помню: как везли сюда и саму драку тоже – только урывками».

Данила вздрогнул: у него перед взором всплыли, как фотографии, картины боя. Рожа оскалившегося разбойника, Вакула с оглоблей, кистень, захлёстывающий обух топора. И свист клинка в сантиметрах от его ног. А потом он вспомнил, что стало с лицом разбойника после удара Вакулы, и его чуть не стошнило.

«Так, отбой всем плохим мыслям. Я победил, значит, я молодец. А я реально победил, завалил двух крутых парней. И повезло мне невероятно. Ну и отлично. Ладно, как-нибудь в другой раз всё получше вспомню, в жизни пригодится. А пока надо исследовать эти... хоромы».

Данила спустился по лестнице в комнату, напоминавшую нечто среднее между столовой и пиршественным залом. За широким столом сидели и орали песню пятеро седых, но вполне ещё крепких мужиков. На Молодцова – ноль внимания. И это его, по правде сказать, обрадовало.

Данила решил выйти на улицу и поискать своих, заодно и выяснить, что же случилось вчера и где это он оказался. Шум от учебной драки здесь был гораздо громче, чем в комнате. Будто табун лошадей по деревянной мостовой скакал. Десять парней в кожаных доспехах отчаянно молотили друг друга деревянными мечами уже больше минуты. Причём никто из тройки оборонявшихся до сих пор не выбыл из игры. Неподдалёку бдил за боем воин, одетый, несмотря на припекавшее солнышко, в кольчугу. Его длинные усы спускались ниже подбородка и были выкрашены в синий. Варяг.

Данила сглотнул, поборол неприязнь и подошёл к воину, но не успел открыть рот.

– Своих ищешь? – спросил тот.

В руке он держал непонятную деревяху, которую обстругивал ножиком, притом не глядя – всё его внимание было сосредоточено на молодых воинах. Ножик так и мелькал, как крыло бабочки, только стружка на землю сыпалась. Молодцов утвердительно кивнул.

– Жёлудь поехал тризну справлять по старосте. Вакулу у Груни в харчевне подожди, дело у него к тебе.

«Ах ты, – встрепенулся Данила, – Житко, помер старик. Жалко, хороший мужик был. Скольким я ему обязан. Царствие ему... блин, он же язычник. Он что, тогда в ад попадёт? Да не... Бог не дурак, разберётся, кого куда отправлять».

– А Груня эта где?

– Выйди из ворот и иди прямо, не ошибёшься.

– Спасибо!

Данила поблагодарил неприветливого варяга и не без облегчения вышел за ворота детинца. Снаружи город оказался довольно шумным, тесным и вонючим. На единственной

улочке едва могли разъехаться две телеги, по бокам теснились подворья, окружённые крепкими заборами, из-за которых слышался собачий лай. Улочку вдоль и поперёк устилали коровьи лепёшки, так что запах был соответствующий, хотя с вонью канализации или «химии» в промзонах, конечно, не сравнить. К запаху навоза Данила так и вовсе приунылся.

Народ возле детинца в основном жил богатый. Люди, встречавшиеся Молодцову, по здешним меркам одеты были прилично. Да и не по здешним. Ткани натуральные, ручной выделки, за одну только крашеную рубаху на родине Молодцова могли полштуки баксов отдать.

А у каждого имелись ещё и драгоценности, которые он цеплял на себя, чтобы показать, насколько он уважаемый человек. Тут Данила сообразил, что вид у него совсем непрезентабельный: фуфайка с дырами на локтях, джинсы с пузырями, только и статуса, что дарёный нож на поясе. Впрочем, ножа было достаточно, никто Молодцова не задирал, не оскорблял, а сам Данила и не думал нарываться. По Правде он – свободный мужчина. Но согласно здешним понятиям, изгой – человек без роду и племени, лишённый поддержки родных, чужак к тому же. А что тут делают с чужаками, Данила хорошо знал.

Холопов и челяди в железных и кожаных ошейниках он повстречал тоже немало. Предаваясь не очень весёлым воспоминаниям, Данила подошёл к плетённому навесу, под которым сидело человек пятнадцать мужиков. Ели все, судя по запаху, кулеш с мясом. Наверное, это и была харчевня. Столами и стульями здесь служили деревянные пеньки, официанток не наблюдалось. Ели все из одного котла, а пили из разных кувшинов.

– Доброго дня! А здесь харчевня Груни? – громко осведомился Данила.

– А тебе что за дело, чужак? – вскочил из-за стола низенький мужичок, рыжий, бородастый, как и все присутствующие.

Данила и сам изрядно оброс за время своих скитаний, но, видимо, недостаточно сильно.

– Тише ты, Баламут, это ж тот самый молодец, за которого просил Вакула.

Из-за сооружения, напоминавшего прилавок, выскочила дородная баба в «рогатой» шапочке, подбежала к Даниле.

– Не слушай их, – защебетала она, взяла под руку Молодцова и повела к свободному столу. – Идём со мной, молодец. Здесь посиди пока, а я есть принесу, медок хмельной. А Вакула скоро придёт. Сказал: солнце зенит не перекатит – обернётся.

Даниле принесли полную миску каши, поставили кувшин – судя по запаху, с чем-то хмельным. Молодцов ел в гордом одиночестве, посетители на него косились, но дальше взглядов дело не пошло. Он, к своему удивлению, съел всё и даже выпил сладковатую бражку, которая пришлась ему по душе. Он всегда был сладкоежкой, а тут со сладостями наблюдался дефицит. Вакула вернулся, когда Данила уже больше часа маялся бездельем. Хмурый, чернее тучи, рука на перевязи, но признаков слабости кузнец не выказывал. Уверенно прошагал всю харчевню, сел рядом с Данилой.

– Груня, принеси ещё мёду, – первым делом гаркнул он и пояснил: – Старого мы проводили, теперь надо бы и нам с тобой тризну справить.

Хозяйка харчевни принесла ещё кувшин той самой сладковатой бражки и молча удалилась. Вакула плеснул мёд по глиняным кружкам, отлил чуть-чуть прямо на пол. Данила удивился, но повторил все действия кузнеца. После чего они выпили стоя, а потом сели и допили весь оставшийся кувшин. Ни слова не говоря. А о чём ещё им было говорить? Данила Житко, считай, не знал, по идее должен был рядом с ним быть, а в результате – оставил старика одного. Ничего уже не вернёшь.

– Жёлудь завтра торговаться будет. Тебе долю выделит, – начал Вакула.

– С чего?

– Как с чего? С товара, который продаст. Мы же, считай, благодаря тебе отбились.

– Да не надо мне ничего... – Данила увидел взгляд Вакулы и осёкся: – Прости, друг, не хотел обидеть.

Кузнец кивнул: забыли, мол.

– И ещё добычу с татей я тебе в комнату отнёс.

– Добычу?!

«Вот что за шмотки в комнате валялись!» – понял Молодцов.

– Ну да. Ты же двух татей положил.

– Погоди, но добил-то их ты?

– И что с того? Главное ты сделал, а добить негодника – много ума не нужно.

– Ну спасибо, конечно. Только, Вакула, я же должен был рядом с Житко оставаться, возле его телеги. А я ушёл, и из-за меня их всех там убили.

– Не казись, – ободрил Вакула, – ты сделал всё, что мог. И поступил правильно. Если бы нам на помощь не пришёл, тебя бы и убили. А так тати сразу телегу грабить принялись и только потом занялись нами. Кто оплошал, так это я. Не ожидал, что их так много будет. Почитай, восемь человек, и ещё лучники.

Кузнец тяжело вздохнул.

– Но, значит, так богам было угодно, вспять уже ничего не воротишь. А я вот что тебе хочу сказать, Даниил, живы мы благодаря тебе остались. Бился ты за нас, хотя не рода нашего. Мог бы и сбежать, в темноте тати за тобой бы не погнались. Но ты остался. Храбрый ты муж, Даниил, и должен я тебе, крепко должен. А я в должниках ходить не люблю. Сказывай, что хочешь. Чем смогу – помогу.

Молодцов сперва был ошарашен. Каким же всё-таки мужиком оказался этот кузнец! Ну, или мужем, по-здешнему. Кто для него Данила? Да никто, безродный чужак, которого никто в грош не ставит. Вакула запросто мог шепнуть посаднику, что он с разбойниками заодно, и Молодцов тут же в колодках бы оказался. Но нет, Вакула и долю с товара выделил, и добычу и теперь говорит: проси что хочешь. Такими друзьями дорожить надо! Не такие уж и плохие люди здесь живут, как решил сперва Молодцов. Но предложение Вакулы он принял всерьёз – задумался, чего же ему здесь больше всего не хватает. Не хватало многого, но в жизни всегда так: есть мишура, за которую не стоит горбатиться, а есть главное, ради чего стоит жить. И Данила понял, чего же он на самом деле хочет.

– Драться хочу научиться. Биться как варяги или даже лучше. Я многое умею, ты же видел, но этого мало. А я способный, я чему угодно научусь и пахать буду как никто. Всё, что хочешь, за учёбу отдам: всю добычу, всё оружие, только найди наставника мне. Помоги, Вакула, а? И тогда я у тебя в должниках буду.

Кузнец насупил мохнатые брови, задумался. Даниле даже показалось, что он немного огорчился. Потом Вакула кивнул:

– Будет так. Научат тебя воинскому искусству. Кого нужно, я найду, но дальше уже от тебя зависит, как стараться будешь.

– Ага, не сомневайся, стараться буду! Спасибо! – с жаром выпалил Молодцов.

– Потом поблагодаришь. Дело это небыстрое, лучше с утра начинать. Переночуешь у меня на подворье. Вещи и добычу можешь не забирать: я мальчика отправлю, он всё принесёт. Ну всё, пошли, дел и вправду много.

Вакула жил не в самом городе, а на окраине, за крепостной стеной. Должно быть, кузнечное дело считалось «опасным производством», и его выносили подальше от жилых построек. Во дворе имелось солидное хозяйство: куры, козы, лошадь. Пара здоровенных кудлатых псов приветствовали хозяина радостным лаем, от которого у Молодцова сердце в пятки упало. Псины, впрочем, к нему отнеслись вежливо, обнюхали и больше докучать не стали. Ещё встречали Вакулу две девицы. Как оказалось, обе они были его жёнами. Попастые, сисястые, румяные, как яблочки, у обеих волосы собраны под покрывало. Одна была постарше, Данила

навскидку дал бы ей лет тридцать, другая – совсем молоденькая, не старше восемнадцати. Вакула их почему-то не представил, расцеловался с ними, потом пообнимался с малышкой – к нему подбежали четыре ребятёнка дошкольного возраста.

После обязательного ритуала Даниле дали попить. Вакула наказал жёнам заботиться о его друге как о родном брате, а сам тут же отправился по своим делам со двора. Данила даже несколько растерялся от такого поведения.

Вежливо отказался от предложения поесть, сказал, что не голоден и вообще ему ничего не надо, так что женщины могут заниматься своими делами. И женщины занялись, а дел этих было до хрена и больше. Молодцов же лоботрясничал. Ничего нового он на подворье не увидел, разве что оно было побогаче, чем другие виденные им деревенские дома. Даже побогаче, чем у старосты Житко.

Единственный интерес для Молодцова представляло приземистое сооружение с обмазанными глиной стенками. Наверное, та самая кузница. Но дверь в неё была не просто закрыта, а ещё и подпёрта здоровенным булыжником. Данила счёл, что гостей там не слишком приветчают.

«Промышленный шпионаж тут, что ли?» – подумал он.

В общем, Молодцов присел на брёвнышко и принялся смотреть, как домашний пёс Вакулы грызёт кость. Данила бы помог вкалывавшим девушкам, но, во-первых, мало понимал, чем они занимаются, а во-вторых, он уже знал, что для мужчины заняться женским делом – небывалый позор, а выставить себя дураком не хотелось.

Вакула явился только к вечеру. Вместе с тощим вихрастым пацаном, который тоже был его сыном. Парнишка нёс на плечах здоровенную котомку.

– Договорился, – радостно объявил Вакула, – завтра пойдём, определим тебя к одному важному мужу. А ты пока раздевайся, тебе переодеться надо.

В котомке оказались вещи убитых разбойников. При мысли, что их придётся напяливать, Данила скривился, но вещи оказались уже отстираны, и один из разбойников вполне походил на Молодцова габаритами. Впрочем, тут у всех вещей размер приблизительный. Данила скинул свои шмотки, надел льняную рубаху с мелкой вышивкой по вороту, натянул штаны. Подпоясался тонким плетёным поясом. На поясе уже висел нож, больше и лучше того, что одолжил Житко. Данила прикинул: в руке лежал хорошо. Вакула сказал, что и другой нож он может забирать. Последними Молодцов надел сапоги убитого разбойника. Мягкие поршни отличались друг от друга только тем, что в одном из них лежал в кармашке нож. А так разницы между правым и левым не было. Вакула выбрал из добычи секиру получше и вручил Даниле. Тот приосанился, принял боевую стойку, спросил:

– Ну как, хорошо?

– Хорош, – одобрил кузнец.

– Ой, хорош, молодец, – всплеснула руками младшая жена Вакулы.

– Молодец, на-ка, лови. – Вакула бросил Даниле кожаный мешочек.

– Что там?

– Серебро. Теперь твоё серебро.

– И много?

– Хватит, чтобы седмицу у Груни гулять. Но тебе гулять у неё не придётся. Ты занят будешь. Уж поверь мне.

Данила шёл на встречу в своём новом наряде, прикинутый по местной моде. Когда он вновь утром оделся, с ним что-то произошло, будто какая-то давно знакомая и привычная его часть отпала, а взамен появилось нечто иное. Новая одежда несла с собой отпечаток другого времени, другого мира. Молодцов даже испытал порыв сбросить разбойничьи шмотки и одеться в свои, пусть и рваные, джинсы с майкой, но вовремя взял себя в руки. Данила упрятал весёлого паренька из двадцать первого века внутри, заключил в оболочку, а снаружи стал тем,

кем его видели другие: молодым мужчиной, изгоем, извергом, как-то умудрившимся убить двух разбойников.

Солнце пробивалось сквозь частые сосны, растущие на холме, где стоял Бродов. Было раннее утро. Довольно холодное, так что пар шёл изо рта. Всё в городе покрывал тонкий слой росы. Народ только начал просыпаться, а Данила уже топал с Вакулой к местному причалу, где ему предстояло встретиться с возможными работодателями.

Данила изрядно мандражировал. Всё-таки разбойник есть разбойник: голытьба, гопник, если по-простому. А тут вроде как профессионалы, солидная компания. Да и не умел Молодцов работать со здешним оружием: шитом, топором и прочим. Кистенём вот только немного.

– Зря ты мне не дал немного с секирой потренироваться, – сказал он Вакуле, имея в виду трофейный топор, который теперь висел на поясе. – Утро только, помахал бы немного оружием, руку хотя бы приноровил. А твои друзья подождали бы, ничего с ними не случилось.

– Крицу с одного удара в меч не выкуешь. Коли не умеешь ты секирой биться, так за одно утро не научишься. А с Воиславом мы не в друзьях. Дела торговые у нас с ним. Но муж он честный и воин, каких поискать. Зря, что ли, такое имя носит и, считай, почти дружину себе сколотил обережную.

«Ага, воин славный, а подрядился купцов охранять», – подумал Молодцов, но вслух не сказал, только буркнул:

– Дело твоё.

Пристань только пробуждалась и готовилась к тяжёлому торговому дню. Впереди осень, а с ней князья дань начнут собирать, потом торговать ей будут, купцы из южных походов вернутся, свои товары обратно на Север повезут – и всё по большой воде, когда от осенних дождей Днепр разбухнет. Реки здесь вроде автотрасс со своими развилками, мостами-волоками (где корабли специальными приспособлениями из одной реки в другую перетаскивают), гаишниками (князьями да боярами), гостиницами и прочим. Словом, жил торговый путь «из варяг в греки», как окрестил его летописец, своей жизнью постоянно. Но особенно яростно бурлил осенью и по весне.

Компания, к которой привёл Молодцова Вакула, расположилась на самом причале. Рядом был пришвартован широкопалубный крепкий корабль, осадка которого говорила о предельной загрузке. Десять мужей разного возраста вольготно устроились на тюфяках, уложенных близ ладьи, и о чём-то весело болтали. Одиннадцатым был тот самый Воислав – главарь ватаги купеческих охранников-обережников. Он стоял спиной к Вакуле и Молодцову, уперев руки в боки, а когда они подошли, повернулся.

Данила сразу же ощутил неприязнь: Воислав был варягом. Его усы пусть и не свисали ниже подбородка, но были выкрашены синим. Сам воин одежды выше пояса не имел, утренняя прохлада его ничуть не смущала. Его торс был словно свит из сплошных мускулов и жил, украшен татуировками и несколькими шрамами. На широком поясе висели кошель, пара ножей и несколько бытовых приспособлений вроде шила. Пояс даже сам по себе стоил немало, учитывая вес серебра на нём в виде бляшек и вышивки. На вид Воиславу можно было дать лет тридцать – тридцать пять. Взгляд выдавал в нём безусловного лидера, привыкшего отдавать приказы. Волосы у него были русые, густые, лицо красивое, чистое, только на подбородке один шрам.

Оп-па, а на шее, кроме витой гривны, висел христианский крестик. Данила настолько удивился, что даже не знал, как реагировать, вместо него выступил Вакула:

– Здрав будь, воин славный, хоробр, гроза недругов, – сказал он с коротким поклоном.

– И тебе привет, кузнец, мастер почётный. – Кивок Воислава был ещё незаметнее. – Это с тобой тот, о котором ты мне говорил?

– Он. Зовут Даниил. Бился вместе со мной с разбойниками. В сече лют.

– Да? А чего он сам молчит? Язык прикусил?

– Я... – растерялся Молодцов.

– Нездешний он, обычаев не знает, поэтому я за него и прошу.

– Спасибо, Вакула. – Данила смело вышел вперёд. – Здрав будь, Воислав, я правда не знаю обычаев и не знаю, как к тебе учтиво обращаться. Не взыщи. Я пришёл к тебе за помощью. Научи меня правильному бою. Я за это всё, что есть у меня, отдам, биться буду рядом с тобой и пойду, куда ты укажешь. Хоть в огонь, хоть в воду. Только слово скажи.

– О как! – Воиславу речь явно понравилась. – Есть-то у тебя немного, но вижу, что парень ты смелый и двух татей одолел в раскладе два на одного. Толк из тебя может быть. И Вакула за тебя просит, а он муж уважаемый. Но сперва посмотрим, каков ты в деле. Будим, дай ему щит и палку и сам тоже возьми.

Данила вздохнул: на сладких речах втереться в ученики не прокатило. Теперь придётся биться, а результат такого поединка был уже очевиден.

Будим, светловолосый безусый паренёк, подхватил щит, ловко поддел ногой другой. Данила поймал брошенные ему щит и палку в полметра длиной.

– Ну, давай, – сказал молодой воин и прикрылся щитом.

Оба противника закружили по пристани, стремясь зайти друг другу сбоку. Данила сразу сообразил, что работать на дистанции – бесперспективный вариант, осталось только прорываться в привычную для него зону – в ближний бой. Он сымитировал резкую атаку справа, а сам прыгнул вперёд, выбрасывая щит, стремясь им снести, как тараном. Будим тут же среагировал, ушёл с линии атаки. Данила, приземлившись, сразу прыгнул вбок, чтобы избежать ответного удара. Успел.

Развернулся, подставил щит, по которому тут же прилетело. И сразу обидно прилетело ещё раз – пониже коленки. Данила зашипел от боли, немедленно сделал выпад прямо в лицо противника. Тот играючи парировал щитом и сам атаковал в ответ. Данила отпрыгнул дальше, чем следовало, и резко сократил дистанцию до более-менее безопасной. В том-то и дело, что более-менее.

Будим поразительно быстро атаковал, Данила еле успел пригнуть голову, сразу же опустил щит, защищая голени. Ему пришлось отступать. Пользуясь преимуществом в росте, он старался отходить, пропускать противника мимо себя. Выходило не очень.

Будим чувствовал дистанцию великолепно и уже начал играть с Данилой – наверняка подготавливал какой-нибудь эффектный приём, чтобы красиво закончить бой. Данила это сразу почувствовал, разозлился (в первую очередь на себя) и, заблокировав «оружие» партнёра, выщелкнул мощнейший удар ногой, пяткой вперёд.

Прямо в щит соперника. И попал точно под умбон, да так, что доска щита треснула. Будим от неожиданности даже отступил на шаг, а Данила с криком рванулся на него, уже не думая о защите, лишь бы как-то достать. Остановил его мощный окрик:

– СТОЙ! – будто из колонки рядом ударили басы.

Данила замер.

– Будим, положи щит, – приказал Воислав – отрок незамедлительно подчинился – и уже Молодцову: – И ты тоже. Слыхал, ты с кистенём умеешь обращаться?

– Ну да.

– Покажи.

Данила выудил из рукава своё оружие, попробовал им выполнить пару ката для нунчаки, подогнав под специфику оружия. На взгляд Данилы, получилось достойно. Воислав только повёл усами.

– Вижу секиру у тебя на поясе. С ней что можешь?

Данила, вспомнив весь свой опыт работы с оружием, попробовал выполнить сдвоенный веер по разным уровням, держа топор двумя руками. Воислав прищурился:

– Думаю, толк из тебя будет. Иди, забрасывай вещи в лодью, мы сегодня отплываем. Вакула, отойдём пока, поговорим.

Данила, не веря своему счастью, подхватил рюкзак с пожитками и вбежал на корабль. В это время его новый командир и старый, можно сказать, друг общались.

– Станный он, – сказал Воислав.

– Что есть, то есть.

– Говоришь, на кулачках ловко дерётся?

– Ловко, уж поверь мне.

– А с оружием не мастак. Хм... Вроде действительно не мастак, а если присмотреться, то... Точно не навь?

– У него крест висит, такой же, как у тебя.

– И он крестился?

– Ну да.

– А молитвы какие-нибудь читал?

– Ты что, Воислав, откуда же я знаю ромейские молитвы?

– Ладно, Вакула, урядились мы с тобой по ладу. Весной прибыток привезу, серебром или товаром каким ценным. Ну а ежели убыток, то пополам.

– Убытка не будет, ты удачливый.

– На будущий год поглядим. Удачи тебе, кузнец!

– И тебе, Воислав!

Глава 3

Походная учебка

Очень скоро ладья, ласково названная «Лебёдушкой», отшвартовалась от причала. Молодцову указали на его скамью, он кинул под неё пожитки, сам уселся сверху и принялся ворочать веслом. Грести он умел, но делать это трёхметровым веслом против течения было трудно и непривычно. Через полчаса такой работы спина одеревенела, а на руках вздулись кровавые мозоли. Спасибо, напарник по скамье одолжил перчатки – весло они ворочали вдвоём с молодым добродушным парнем по имени Ждан. У него были соломенного цвета волосы, подстриженные под горшок, крупный мясистый нос, широкий улыбчивый рот и голубые глаза. Точный возраст Ждана было трудно определить: выглядел он как заматеревший срочник-первогодок, но это вовсе не означало, что парню уже стукнуло девятнадцать. В этом времени дети взрослели рано, и парню вполне могло быть и шестнадцать, и даже пятнадцать лет. А напрямую у Ждана Данила спрашивать не решился – мало ли как он к этому отнесётся.

Они сидели в центре семипарной ладьи, на самом удобном месте – передние и задние вёсла были длиннее, и грести ими было заметно тяжелее. А Данила и так справлялся с новой для него задачей еле-еле.

Тем не менее за время совместной гребли Молодцов смог кое-что узнать у Ждана. Парня в дружину Воислава взяли только этой весной, но он уже успел побывать в серьёзной стычке: наскочили на них полторы луны назад какие-то степняки. Отбились без потерь, лишь двоих ранило. Сами воины нанялись к купцу Путята, тот был знатный путешественник, наверное, от этого и имя получил. У купца имелось три корабля, два были сейчас в Киеве, а «Лебёдушка», на которой плыл десяток Воислава, – третий. Купец хотел сбыть остатки товара немного севернее Киева.

Торговал Путята не с Царьградом, а с ляхами и уграми.

Кто это такие, Данила не знал, но понял, что живут эти народы к западу от Руси. Сторговавшись, поплыли они по Орше, по землям дреговичей, у них же и шкурок ценных закупили.

В Киеве или в другом городе Путята эти шкурки продаст (цены сейчас на меха держались хорошие), закупится южными товарами: бархатом, аскамитом, батистом, вином, сосудами

стеклянными, изюмом и многим другим, что имеет спрос на севере, и отправится с этим добром в Новгород. Там продаст или обменяет на те же меха, воск, кость или иной другой товар – у севера свои богатства. И весной они отправятся в обратный путь.

– Или Путяте вожжа под хвост попадёт, и он ещё куда вздумает ехать. Вот ведь купец! У нурманов дважды в плену бывал, степняки ему чуть шкуру не содрали, в Царьграде за долги в яме сидел, а видишь, всё как крутится – и только в пузе жиреет, чисто бобёр.

– Смена! – крикнул кормчий.

Данила, едва скрывая радость, предоставил право выгребать против течения следующей паре. Ладья за один день спустилась вниз по реке и вышла в Днепр. Всего на ней плыло человек двадцать пять, включая приказчиков Путяты и его слуг. Гребли вместе: и купцовые люди, и воины. Все, кроме Воислава и ещё одного седого белоусого воина с обветренным лицом. Тот вместе с командиром – батькой, как называл Воислава Ждан, – стоял на корме и держал с ним по очереди кормило – руль корабля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.